

КАФЕДРА КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

Паки де Совиньи (Paquis de Sauvigny) Николай Николаевичъ, является преподавателемъ скорѣе французскаго, чѣмъ латинскаго языка и словесности, а потому болѣе подробныя свѣдѣнія о немъ отнесены въ соотвѣтствующій отдѣлъ словаря. Преподавателемъ латинскаго языка Паки де Совиньи сдѣлался, можно сказать, случайно. Когда, при основаніи Харьковскаго университета, для него набирались профессоры, Паки де Совиньи 1 октября 1803 г. получилъ назначеніе состоять при немъ «адъюнктомъ философическихъ и математическихъ наукъ», что согласовалось съ предварительной подготовкой этого ученаго иностранца. Но такъ какъ по прибытіи его на мѣсто службы оказалось, что преподаваніе философіи уже было поручено двумъ другимъ профессорамъ, то новому члену коллегіи предоставлено было чтеніе первоначальнаго курса латинской и французской словесности, при чемъ, однако, самостоятельной кафедры латинскаго языка онъ не занималъ, а только помогалъ читать этотъ предметъ профессорамъ, сначала, Умлауфу, затѣмъ Балену дю Баллю и, наконецъ, Роммелю. Такое подчиненное положеніе и званіе адъюнкта, конечно, не удовлетворяло Паки де Совиньи и вотъ онъ уже вскорѣ послѣ своего прибытія въ Харьковъ дѣлаетъ попытку добиться самостоятельности. Съ этой цѣлью 5-го апрѣля 1807 г. онъ подалъ въ совѣтъ университета прошеніе о производствѣ его въ ординарные или экстраординарные профессоры по кафедрѣ латинской словесности, при чемъ для доказательства своихъ правъ на это званіе представилъ нѣсколько рукописныхъ сочиненій. Однако, проф. Шадъ подвергъ ихъ такой уничтожающей критикѣ, что просьба аспиранта была оставлена безъ удовлетворенія. Лишь въ 1812 г. Паки де Совиньи удалось сдѣлать шагъ впередъ на пути къ достиженію своихъ стремленій, такъ какъ въ этомъ году совѣтъ университета за отсутствіемъ спеціальнаго профессора латинскаго языка и словесности, длившимся уже нѣсколько лѣтъ, поручилъ преподаваніе

этого предмета ученому французу, а Министерство Народнаго Просвѣщенія утвердило это порученіе. Слѣдующій годъ ознаменовался утвержденіемъ Паки де Совиньи въ степени доктора философіи и, вѣроятно, въ связи съ этимъ,—назначеніемъ его экстрординарнымъ профессоромъ латинскаго языка (10 іюня). Но это повышеніе не означало еще, что онъ сдѣланъ былъ самостоятельнымъ представителемъ каѳедры. Такого положенія нашему ученому не удалось достигнуть даже съ удаленіемъ изъ Харьковскаго университета проф. Роммеля. Новую попытку укрѣпить за собою каѳедру латинскаго языка настойчивый французъ сдѣлалъ въ 1817 г., обратившись къ попечителю съ просьбой предоставить эту каѳедру ему. Но совѣтъ, которому попечитель поручилъ рѣшить это дѣло, постановилъ объявить конкурсъ на данную каѳедру, а на Паки де Совиньи возложить только временное преподаваніе по ней. Однако, тотъ снова обратился съ тѣмъ же ходатайствомъ къ попечителю и министру. Закончилось дѣло тѣмъ, что министръ оставилъ просьбу аспиранта безъ удовлетворенія, между тѣмъ какъ на конкурсъ выступилъ И. Я. Кронебергъ. Потерпѣвъ неудачу, Паки де Совиньи снова собирается съ силами для борьбы и уже въ августѣ 1818 года входитъ въ совѣтъ съ ходатайствомъ о производствѣ его въ ординарные профессоры все съ тою же цѣлью сдѣлаться самостоятельнымъ представителемъ каѳедры латинскаго языка. Такъ какъ выборы кончились неудачно для нашего ученаго, то подвергся баллотировкѣ также Кронебергъ и былъ утвержденъ министромъ въ званіи адъюнкта по каѳедрѣ латинскаго языка и словесности. Словесный же факультетъ, который долженъ былъ распредѣлить преподаваніе этого предмета между тѣмъ и другимъ заинтересованнымъ лицомъ, первому предоставилъ младшій курсъ, а второму старшій. Такое рѣшеніе вопроса побудило Паки де Совиньи опять войти въ апрѣлѣ 1819 года въ совѣтъ съ ходатайствомъ, въ которомъ онъ еще разъ проситъ предоставить ему каѳедру латинскаго языка и не позволять другому кому-либо похитить плодъ его трудовъ и ученыхъ занятій. Потерпѣвъ снова неудачу въ совѣтѣ, настойчивый французъ обратился съ докладной запиской по поводу этого къ попечителю, а также, какъ кажется, и къ министру. Послѣ различныхъ перипетій дѣло, наконецъ, разрѣшилось тѣмъ, что въ 1820 г. Паки де Совиньи былъ утвержденъ въ должности помощника профессора латинскаго языка. Далѣе этого назначенія онъ не подвинулся до конца своей службы.

Помимо преподаванія въ университетѣ латинскаго языка и словесности, Паки де Совиньи пришлось заниматься тѣмъ же предметомъ и въ такъ называемомъ «приготовительномъ классѣ университета». По крайней мѣрѣ въ 1805 г. онъ значится тамъ въ составѣ учительскаго персонала. Но въ 1806-1807 мы его имени здѣсь уже не встрѣчаемъ.

Всѣ данныя о преподавательской дѣятельности Паки де Совиньи свидѣлствуютъ, что онъ былъ человѣкъ очень усердный, но вслѣдствіе недостаточной подготовки, отсутствія педагогическихъ дарованій и незнанія русскаго языка едва ли полезный для Харьковскаго университета. Такъ, изъ различныхъ документовъ о немъ мы знаемъ, что онъ охотно и много писалъ, но эти писанія признавались специалистами очень неудачными и по большей части не удостоивались печатанія. Хотя его бывшіе слушатели въ своихъ воспоминаніяхъ не жалуются на него, какъ на нѣкоторыхъ другихъ его товарищей, что онъ неаккуратно читалъ лекціи, но содержаніе этихъ лекцій не отличалось глубиною, и все значеніе ихъ сводилось развѣ только къ обученію студентовъ, съ грѣхомъ пополамъ, разговорному латинскому языку. Да это и немудрено, такъ какъ познанія самого профессора въ этомъ предметѣ находятся подъ большимъ сомнѣніемъ: по крайней мѣрѣ З. Я. Карибевъ, бывшій нѣкоторое время попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа, замѣчаетъ въ своемъ отзывѣ о Паки де Совиньи, что при немъ знаніе латинскаго языка понизилось среди студентовъ и что самъ онъ, слабо зная латинскій языкъ, не рискнулъ написать ни одной просьбы своей въ совѣтъ на этомъ языкѣ, хотя этого требовалъ отъ него долгъ. Такого же невысокаго мнѣнія о Паки де Совиньи былъ и профессоръ Роммель, хорошо его знавшій, какъ своего помощника. Въ своихъ воспоминаніяхъ онъ характеризуетъ лекціи его такъ: онѣ «были образцомъ цвѣтистаго и надутаго безвкусія; въ своихъ латинскихъ и французскихъ сочиненіяхъ, въ ученическихъ лекціяхъ онъ оставался приверженцемъ Буало и любилъ, по собственному его выраженію, расправляться цензурскою указкою». Что касается студентовъ, то Паки де Совиньи не только былъ у нихъ общимъ посмѣшищемъ, но и, что еще хуже, преисправно бралъ съ нихъ взятки, какъ это положительно утверждаетъ Н. И. Костомаровъ, и ставилъ отмѣтки сообразно съ полученной имъ суммой, при чемъ дѣло иногда не обходилось и безъ досадныхъ недоразумѣній.

Преподавательская дѣятельность Паки де Совиньи по части латинскаго языка и словесности сводилась къ тому, что онъ излагалъ элементарный курсъ латинской словесности, занимаясь попутно чтеніемъ отрывковъ изъ писателей и упражняя своихъ слушателей въ сочиненіи на латинскомъ языкѣ. Изъ авторовъ онъ читалъ со студентами Циперона (*Pro Archia poëta* и *De officiis*) и Горация (избранныя стихотворенія, а также Посланія и Сатиры). Кромѣ того, онъ же читалъ въ теченіе нѣкоторыхъ годовъ и исторію римской словесности.

Я. А. Денисовъ.

Умлауфъ Леопольдъ Адамовичъ родился въ 1758 году въ Эйхсфельдѣ, въ провинціи Саксоніи королевства Пруссіи. Получивъ хорошее образованіе дома и въ гимназій, онъ поступилъ въ Эрфуртскій университетъ, а затѣмъ перешелъ въ Вѣнскій. Получивъ степень доктора, онъ былъ приглашенъ экстра-ординарнымъ профессоромъ въ Лембергскій университетъ. 1-го октября 1803 г. вступилъ въ русскую службу, по приглашенію попечителя графа С. О. Потоцкаго, профессоромъ латинской словесности и эстетики въ Харьковскомъ университетѣ. Кромѣ предметовъ своей каѳедры, онъ читалъ еще нѣмецкую словесность. Въ 1805 г. онъ былъ избранъ деканомъ словеснаго факультета и членомъ училищнаго комитета. Одинъ разъ онъ былъ откомандированъ для визитации въ Полтавскую и Черниговскую губерніи. 23 января 1807 г. онъ умеръ отъ нервной горячки, оставивъ по себѣ память талантливаго преподавателя, прямого и откровеннаго человѣка и надежнаго товарища, отличавшагося привязанностью къ коллегіи, членомъ которой онъ состоялъ. Послѣ него не осталось ученыхъ трудовъ. Напечатана только его рѣчь, произнесенная на актѣ 17-го января 1806 года. «De arrogantia in literis», въ которой онъ съ увлеченіемъ громитъ тѣхъ ученыхъ, особенно философовъ, которые, въ погонѣ за славой, безъ достаточнаго изученія того, что сдѣлано другими, признавая только свои измышленія непреложными истинами, вредятъ наукамъ и подрываютъ довѣріе къ ней.

Г. О. Шульцъ.

Беленъ-де-Баллю Яковъ Яковлевичъ, ординарный профессоръ греческой и французской словесности (Jacques Nicolas Belin de Ballu, prof. Р. О.), родился въ Парижѣ въ 1753 г. О воспитаніи его и ученой подготовкѣ свѣдѣній въ нашемъ распоряженіи нѣтъ. Онъ былъ членомъ Парижской академіи надписей и изящной словесности, вошедшей впоследствии въ составъ національнаго института въ Парижѣ, совѣтникомъ министерства департамента и членомъ Московскаго общества испытателей природы (см. рукописныя замѣтки Рославскаго-Петровскаго). Извѣстность во Франціи онъ приобрѣлъ слѣдующими учеными трудами: въ 1786 г. въ Страсбургѣ напечатано Oppiani poemata de venatione et piscatione cum interpretatione latina et scholiis, accedunt Eutecni paraphrasis ἱζητικῶν et Marcelli Sidetae fragm. de piscibus. Tom. I. Cynegetica, ad IV Mss. Codd. fid. recens. et suis auxit animadversionibus Jac. Nic. Belin de Ballu. 8 maj. и 4 maj. Въ 1787 г. въ Страсбургѣ вышло въ свѣтъ La chasse, poème d'Oppien. Traduit en françois par Belin de Ballu, 8. Въ 1788 г. въ Парижѣ напечатанъ переводъ произведеній Лукіана: Oeuvres de Lucien, traduites

du grec, avec des notes historiques et littéraires, et des remarques critiques sur le texte de cet auteur. 6 томовъ, 8. (Шестой томъ — критическія замѣтки — напечатанъ въ 1789 г.). Хотя фамилія автора этого перевода не обозначена въ изданіи, но на заглавномъ листѣ перваго тома того экземпляра, который находится въ фундаментальной библіотекѣ Харьковского университета, приписано: Par Belin de Ballu, а въ ученой литературѣ имѣется достаточно указаній на то, что этотъ трудъ принадлежитъ именно Беленъ-де-Баллю. Въ концѣ предисловія переводчикъ говоритъ: Une circonstance, particulière m'a obligé de le livrer à la presse. Il falloit, ou le publier en ce moment, ou l'ensevelir pour toujours dans les ténèbres. J'ai balancé quelque temps, et l'amour propre l'a emporté. Едва ли будетъ слишкомъ смѣлымъ предположеніе, что изданіе перевода Лукіана послужило поводомъ къ избранію Беленъ-де-Баллю въ члены академіи и что желаніе попасть въ нее и было тѣмъ «обстоятельствомъ» и тѣмъ задѣвшимъ его самолюбіе моментомъ, о которыхъ онъ говоритъ. Во всякомъ случаѣ этимъ переводомъ Беленъ-де-Баллю заявилъ себя хорошимъ знатокомъ греческаго языка, отличнымъ стилистомъ и прилежнымъ ученымъ, и долженъ былъ обратить на себя вниманіе образованныхъ и ученыхъ людей. Въ пространномъ предисловіи Беленъ-де-Баллю перечисляетъ изданія Лукіана, переводы его, указывая на ихъ недостатки, особенно на зависимость ихъ отъ латинскаго перевода; описываетъ три парижскихъ рукописи, которыя онъ читалъ самъ; пространно излагаетъ совѣтъ какого-то своего стараго доброжелателя быть осторожнымъ съ опубликованіемъ перевода, столь труднаго и опаснаго предпріятія. Самый переводъ, вообще точно передающій мысли оригинала, написанъ хорошимъ языкомъ. Въ выноскахъ подъ текстомъ иногда приведены отступленія отъ точнаго перевода. Шестой томъ, напечатанный въ 1789 году, заключаетъ въ себѣ критическія замѣтки къ тексту, при чемъ приведены разночтенія изъ тѣхъ парижскихъ рукописей, которыя читалъ самъ Беленъ-де-Баллю. Самостоятельнаго изслѣдователя эти замѣтки въ Беленъ-де-Баллю не обнаружива^{тъ}.

Въ 1^ю, 3 г. Беленъ-де-Баллю перешелъ на русскую службу по приглашенію Петербургскаго попечителя Новосильцева, завѣдовавшаго Харьковскимъ округомъ вмѣсто отсутствовавшаго гр. Потоцкаго. 4-го декабря 1803 г. онъ былъ опредѣленъ профессоромъ греческой и французской литературы въ Харьковскомъ университетѣ. Въ 1804 г. онъ былъ назначенъ членомъ учрежденнаго гр. Потоцкимъ комитета для ускоренія дѣлъ по устройству университета. Насколько полезнымъ членомъ этого комитета былъ Беленъ-де-Баллю, сказать невозможно, но комитетъ дѣйствительно ускорилъ порученное ему дѣло, и 17 января 1805 г. состоялось торже-

ственное открытіе университета, на которомъ Беленъ-де-Баллю выступилъ ораторомъ. Онъ произнесъ рѣчь о томъ, что нужно готовиться изученіемъ наукъ къ владѣнію оружіемъ и примѣнять философію къ военному искусству. 18 января 1805 года совѣтъ университета избралъ его инспекторомъ казеннокоштныхъ студентовъ и бібліотекаремъ. Первую изъ этихъ должностей онъ занималъ до 1807 г., а вторую до ухода изъ Харькова въ 1811 г. 18 декабря 1807 г. совѣтъ положилъ дать ему степень доктора философіи *honoris causa*. Въ 1808 и 1809 г.г. онъ былъ, по избранію совѣта, деканомъ словеснаго факультета. Въ 1810 г. онъ вошелъ въ составъ комитета, учрежденнаго для того, чтобы слѣдить за распредѣленіемъ студентовъ по факультетамъ. Въ 1811 году онъ былъ перемѣщенъ въ С.-Петербургскій Педагогическій институтъ ординарнымъ профессоромъ греческаго языка и словесности. Въ томъ же году совѣтъ Харьковского университета избралъ его почетнымъ членомъ университета. Въ 1807 году Беленъ-де-Баллю постигла непріятность. Проф. Багалій (см. Опытъ ист. Харьков. унив., т. I, стр. 950), на основаніи официальныхъ документовъ, упоминаетъ о выговорѣ, который Беленъ-де-Баллю получилъ въ совѣтѣ за участіе въ дѣлѣ о доносѣ Гамперле на Дюгура. «Этотъ доносъ не былъ доказанъ слѣдствіемъ». «Рейту, де-Баллю и его женѣ сдѣлали строгій выговоръ въ совѣтѣ со внушеніемъ воздерживаться впредь отъ неприличныхъ и подвергающихъ суду и отвѣтственности рѣчей. Рейтъ и де-Баллю «въ это дѣло замѣшаны только по ссылкѣ на нихъ другихъ». Участіе Беленъ-де-Баллю объясняется, можетъ быть, просто любовью поговорить. Роммель въ своихъ воспоминаніяхъ (см. Пять лѣтъ изъ исторіи Харьк. универ.) называетъ его, между прочимъ, неутомимымъ говоруномъ. Во всякомъ случаѣ это происшествіе едва ли можетъ набросить тѣнь на его личность, которая, по характеристикѣ Роммеля и др., представляется весьма симпатичной и добродушной. Въ 1810 году Беленъ-де-Баллю обратился къ министру народнаго просвѣщенія гр. Разумовскому съ прошеніемъ о выдачѣ ему 4000 руб. (за вычетомъ изъ этой суммы полученныхъ имъ 1250 руб.), какъ 3-ю часть тѣхъ сбереженій, которыя онъ доставилъ университету тѣмъ, что: 1) обучалъ въ теченіе 7 лѣтъ французской словесности и былъ лекторомъ безъ вознагражденія; 2) преподавалъ въ теченіе 4 лѣтъ латинскую словесность и 3) сочинилъ, по порученію университета, латинскую хрестоматію. По поводу этого прошенія министромъ было затребовано мнѣніе университета. О томъ, какъ высказался совѣтъ, свѣдѣній въ дѣлахъ нѣтъ, а имѣется предложеніе попечителя гр. Потоцкаго отъ 5 октября 1810 г. на имя ректора Рижскаго о томъ, что онъ ничего не имѣетъ противъ вознагражденія Беленъ-де-Баллю за «латинскій классъ, за который онъ и прежде

быть награждаемъ», но только на основаніи заключенія университета, «на какой конецъ и можетъ онъ де-Баллю представить о семъ въ совѣтъ университета». Это предложеніе вызвано, очевидно, прошеніемъ Белень-де-Баллю, поданнымъ попечителю независимо отъ прошенія на имя министра, такъ какъ въ немъ идетъ рѣчь о «латинскомъ классѣ», т. е., вѣроятно, объ «упражненіяхъ студентовъ въ латинскихъ сочиненіяхъ». Результатъ этого прошенія въ дѣлахъ университета не указанъ. Что же касается прошенія на имя министра, то оно увѣнчалось успѣхомъ. Предложеніемъ отъ 11 декабря 1810 года гр. Разумовскій увѣдомилъ университетъ, что Государь Императоръ повелѣтъ соизволилъ выдать вознагражденіе Белень-де-Баллю за преподаваніе латинской словесности (по 500 р. въ годъ), за обученіе французской словесности (по 200 р. въ годъ), за сочиненіе латинской хрестоматіи (600 р.) изъ суммъ, въ распоряженіи университета состоящихъ. Обращенія Белень-де-Баллю прямо къ министру и попечителю, помимо совѣта, даютъ основаніе предположить, что въ 1810 г. его отношенія къ совѣту были натянутыми. Поводомъ къ этому могло послужить то, что совѣтъ передалъ преподаваніе латинской словесности Шаду, который въ письмѣ къ гр. Поттоцкому отзывается о познаніяхъ Белень-де-Баллю по латинскому языку очень рѣзко (см. Багалъй. Оп. ист. Харьк. унив. I, стр. 581).

Белень-де-Баллю умеръ въ 1815 г. По Высочайшему повелѣнію его жена и дѣти получали пенсію отъ Харьковского университета и отъ Петербургскаго Педагогическаго института въ равныхъ частяхъ.

Современники Белень-де-Баллю отзываются о немъ, какъ о краснорѣчивомъ преподавателѣ. Роммель говоритъ, между прочимъ, что онъ обладалъ «необыкновеннымъ декламаторскимъ талантомъ», которому онъ приписываетъ успѣхъ Белень-де-Баллю, какъ преподавателя. О краснорѣчии его мы можемъ составить себѣ понятіе по рѣчамъ, произнесеннымъ имъ по различнымъ поводамъ. Онѣ не отличаются глубиной и оригинальностью мыслей, но въ нихъ виденъ ораторъ, обладающій наблюдательностью и умѣющій пользоваться плодами ея для того, чтобы заинтересовать слушателей. Построеніе рѣчи отличается изяществомъ.

Проф. Багалъй (Опытъ ист. Харьк. унив. I, стр. 561) даетъ перечень курсовъ Белень-де-Баллю. «Онъ читалъ греческую грамматику (по собственному методу), изъ авторовъ — Геродота, Гомера и Лукіана, а въ послѣднее время и греческую археологію». Какъ временный замѣститель катедры римской словесности, Белень-де-Баллю «объяснялъ авторовъ (Цезаря, Циперона, Virgilia, Горация, Тита Ливія и Тацита) и упражнялъ студентовъ въ латинскихъ сочиненіяхъ». На стр. 566 проф. Багалъй говоритъ о лекціяхъ Белень-де-Баллю по французской литературѣ: «онъ

излагалъ правила краснорѣчія, объясняя ихъ примѣрами изъ лучшихъ писателей и декламируя самъ этихъ послѣднихъ и исторію древней и новой словесности (первый кратко, второй пространнѣе). «Временно преподавался проф. Белень-де-Баллю и итальянскій языкъ. Лекторъ разбиралъ основы итальянскаго языка и затѣмъ читалъ Метастазіевы трагедіи и Освобожденный Іерусалимъ Торквато Тассо» (см. Багалѣй. Оп. ист. Харьк. унив. I, стр. 597).

Перечень трудовъ Белень-де-Баллю: 1) *Oppiani poemata etc.*, см. выше. 2) *La chasse etc.*, см. выше. 3) *Oeuvres de Lucien etc.*, см. выше. 4) *Histoire critique de l'éloquence chez les Grecs et les Romains*. 2 vol. Paris. 1803. 5) Рѣчь въ торжественномъ собраніи 17 января 1805 г. при открытіи университета: *Que l'on doit se préparer par l'étude des sciences au maniement des armes et allier la philosophie à l'art des combats*. 6) *Systema novum docendi et discendi linguam latinam*. Харьковъ. 1806 г. 7) Надгробная рѣчь проф. Умлауфу на французскомъ языкѣ. 1807 г. (Перепечатана у проф. Багалѣй Оп. ист. Харьк. унив. I, стр. 940). 8) Рѣчь на актѣ 30 августа 1807 г.: *Discours sur l'éducation publique, comparée à l'éducation privée*. 9) *Tableaux des déclinaisons latines*. Харьковъ. 1807. 10) *Project de réglemant pour la maison des étudiants de la Couronne*. Харьковъ. 1807 г. 11) *Notitia et descriptio aliquot codicum manuseriptorum, qui reperiuntur in bibliotheca universitatis imperialis, quae Charcoviae floret*. Помѣщено въ „*Conspectus praelectionum a 17 aug. 1807 ad 30 junii 1808 anni in Caesarea universitate Charcoviensi publice hadendarum*. Charcoviae, typis universitatis 1807 г. 12) *Chrestomathia poetica sive eclogae poetarum latinorum in usum studiosae juventutis Rossicae, ex decreto Caes. Universitatis Charcovianae*. Харьковъ. 1809 г. (Въ 1-мъ томѣ отрывки изъ Плавта и Теренція, во 2-мъ—изъ Федра, Овидія, Виргилія, Лукреція, Горация и Ювенала). 13) *Le dictionnaire des primitifs inusités de la langue latine*. Харьковъ. 1811 г. 14) *Dialogues des morts* (соч. Фенелона, изданное по порученію и на счетъ университета). Харьковъ. 1811 г. 15) *Lectures instructives et morales sur differents sujets, tirées des meilleurs écrivains*. (Издано подъ редакціей Белень-де-Баллю). Харьковъ. 1811 г. 16) Рѣчь на французскомъ языкѣ при погребеніи Рижскаго. Рѣчь на актѣ 30 августа 1811 г. „Объ играхъ и забавахъ древнихъ грековъ“ на французскомъ языкѣ, упоминаемая проф. Багалѣемъ (Опытъ ист. Харьк. унив. I, стр. 1069), вѣроятно, предполагалась къ произнесенію, но произнесена не была, такъ какъ она не напечатана съ рѣчами, произнесенными на этомъ актѣ.

Г. О. Шульцъ.

Роммель Христофоръ Филипповичъ, Dietrich Christoph Rommel (съ 1828 г. von Romme), родился 17 апрѣля 1781 г. въ Касселѣ. Его отецъ, генералъ-суперинтендентъ и старшій придворный проповѣдникъ въ Касселѣ, былъ, по словамъ Роммеля, образцомъ мягкаго, человеколюбиваго и просвѣщеннаго духовнаго лица и далъ своимъ дѣтямъ, которыхъ у него было 17, воспитаніе отнюдь не педантичное, а основанное на любви. Онъ желалъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ его семи сыновей сдѣлался богословомъ, и имѣлъ въ виду второго, нашего Роммеля. «Моя прирожденная слово-

охотливость», говорить Роммель, «неослабная готовность посѣщать церковь, позднѣе, когда отецъ познакомилъ меня съ основными началами еврейскаго языка, мое прилежаніе въ переводѣ еврейскихъ псалмовъ—укрѣпляли его въ надеждѣ, что я сдѣлаюсь наслѣдникомъ его вполне заслуженной славы проповѣдника». Въ раннемъ возрастѣ Роммель познакомился съ арабскимъ языкомъ и 15-лѣтнимъ мальчикомъ уже чувствовалъ «громадное богатство этого неисчерпаемаго языка». Первоначальное образованіе Роммель получилъ въ Фридериканскомъ лицѣѣ (Lyceum Fridericanum) въ Касселѣ, въ которомъ онъ пробылъ отъ 1790 до 1799 года. «Во главѣ этого лица стоялъ незабвенный всѣмъ его ученикамъ ректоръ Рихтеръ». Въ 1799 году Роммель поступилъ въ Марбургскій университетъ, гдѣ слушалъ съ особеннымъ удовольствіемъ лекціи Арнольди (объясненіе Псаи), Гартмана (арабскую грамматику), Крейцера (древне-греческихъ историковъ) и Курціуса (всеобщую исторію), упражнялся, для усовершенствованія въ латинской рѣчи, въ обратномъ переводѣ на латинскій языкъ этическихъ произведеній Цицерона и въ подражаніи имъ, увлекался Вольтеромъ, особенно его *Mélanges de littérature et de philosophie*, «изъ которыхъ извлекалъ не презрѣніе къ религіи, а энтузіазмъ къ просвѣщенію рода человѣческаго». Въ началѣ 1800 г. онъ перешелъ въ Геттингенскій университетъ. Здѣсь ему «открылся новый міръ: неисчерпаемая сокровища грековъ и римлянъ—благодаря Гейне, обзорѣніе древней и новой всемірной исторіи и всеобщаго землевѣдѣнія и народовѣдѣнія—благодаря Эйхгорну, Шлецеру и Герену, созерцаніе природы—благодаря Блюменбаху». Но главнымъ его учителемъ былъ Гейне, и принявшій его въ филологическій семинарій и оказывавшій ему содѣйствіе въ первыхъ литературныхъ работахъ, сочиненіяхъ на преміи философскаго факультета». Первой такой работою Роммеля было описаніе Аравіи по Абульфеда, за которое онъ удостоился 4 іюня 1802 года очень лестнаго отзыва факультета. Парижскій оріенталистъ Сильвестръ де-Саси написалъ подробную рецензію этой работы. Въ послѣдующіе годы Роммель продолжалъ печатать свои арабскія изслѣдованія. Въ 1803 году Роммель написалъ на тему, предложенную философскимъ факультетомъ, сочиненіе: «*Caucasiarum regionum et gentium Straboniana descriptio, commentario perpetuo illustrata*», которое, однако, не было удостоено награды. Это сочиненіе онъ послалъ Императору Александру, который милостиво приказалъ благодарить его.

Въ 1803 году Мейнерсъ, уполномоченный російскимъ министерствомъ, предложилъ ему занять каѳедру въ Харьковѣ. Роммель отказался, не желая бросать своихъ занятій и не надѣясь на свое здоровье. «Только точное распредѣленіе моихъ рабочихъ часовъ, говоритъ онъ, дало мнѣ возможность въ теченіе трехъ лѣтъ (1800—1803) заниматься двѣнадцатью

древними и новыми языками и писать массу мелких статей для журналов». Въ 1803 году Роммель выдержалъ въ Геттингенѣ докторскій экзаменъ на философско-литературномъ факультетѣ, защитилъ въ 1804 году представленныя имъ положенія (theses) и сдѣлался привать-доцентомъ. Въ 1804 году онъ получилъ приглашеніе занять кафедру краснорѣчія и греческаго языка въ Марбургѣ въ званіи ординарнаго профессора, которое онъ принялъ съ восторгомъ. Въ виду его молодости (23 года) министерство совмѣстно съ попечителемъ рѣшило утвердить его экстраординарнымъ профессоромъ. Въ теченіе первыхъ двухъ семестровъ Роммель объяснялъ Горация, Ювенала, Аполлодора и Теофраста съ такимъ успѣхомъ, что черезъ годъ послѣ его назначенія получилъ благодарность, прибавку содержанія и факультетскую ординатуру. Какъ приверженецъ направленія Гейне и Винкельмана, расширившихъ горизонтъ филологической науки, онъ вступилъ въ конфликтъ со многими товарищами и оттолкнулъ отъ себя большинство студентовъ. Но положеніе его было обезпечено тѣмъ, что онъ былъ членомъ университетскаго сената, пользовавшагося большимъ авторитетомъ, не стѣсненнымъ правительственной властью; далѣе, — тѣмъ, что онъ былъ университетскимъ ораторомъ и въ этомъ званіи долженъ былъ произносить ежегодныя торжественныя рѣчи, писать университетскія программы и некрологи усопшихъ товарищей. Повидимому, на его курсы студенты перестали записываться, и профессорскія занятія его сводились къ исполненію этихъ, перечисленныхъ съ его словъ, обязанностей. Но авторская его дѣятельность этимъ не ограничивалась. Статьи, написанныя имъ до 1810 г., онъ самъ подводитъ подъ слѣдующія рубрики: 1) древности, филологія, литература и искусство; 2) землѣвѣдѣніе, народовѣдѣніе, политическія науки, система національности.

Горячій патріотъ, беззавѣтно любившій свою родину Гессенъ, онъ, однако, съ грустью усматривалъ въ ней упадокъ духовныхъ силъ германской націи, происходившій отъ сепаратистскихъ стремленій. И вотъ, вся его ученая и литературная работа была направлена къ тому, чтобы разбудить къ самостоятельности силы своего народа путемъ солиднаго изученія классической древности во всемъ ея величій. Такъ, онъ говоритъ, напр., о «характерахъ Теофраста»: «я переводилъ и комментировалъ ихъ съ двойной цѣлью: показать цѣну характеристичнаго въ художественномъ изображеніи и вызвать сходныя идеальныя изслѣдованія для нашихъ драматурговъ и писателей комедій».

Нашествіе французовъ грозило окончательно погубить національное чувство и «public spirit», а введенный французами режимъ съ его произволомъ стоялъ въ полномъ противорѣчій съ академической свободой. Все это дѣйствовало на Роммеля удручающимъ образомъ. Но въ это время,

говорить онъ, «Гейне, хорошо зная мое мрачное настроеніе духа, открылъ мнѣ въ концѣ 1808 года двери Наполеоновской тюрьмы. Дѣло въ томъ, что онъ сообщилъ мнѣ, къ моему изумленію, о выхлопотанномъ черезъ графа Разумовскаго въ Петербургѣ приглашеніи меня занять ординарную профессуру древней литературы въ Императорскомъ университетѣ въ Харьковѣ, въ южной Россіи. Еще невоздѣланное тамъ поле филологіи должно было подъ моимъ руководствомъ сдѣлаться разсадникомъ гуманизма въ духѣ Гейне; это была самая цвѣтущая пора благороднаго Императора Александра, который задумалъ великій планъ,—писать мнѣ тогдашній секретарь университетскаго совѣта въ Харьковѣ,—повести свою націю при помощи русскихъ университетовъ къ болѣе высокой ступени образованности. Мое рѣшеніе состоялось быстро. Желаніе вступить въ цвѣтъ лѣтъ, холостымъ, здоровымъ и крѣпкимъ, какимъ я былъ, въ болышій и свободный кругъ дѣятельности и содѣйствовать съ своей стороны распространенію научной культуры въ странѣ еще грубой—преодолѣло природенную любовь къ отечеству». Переговоры длились долго, «пока, наконецъ, въ срединѣ 1810 года не послѣдовало, вмѣстѣ съ императорскимъ утвержденіемъ, усердное приглашеніе университета».

Прежде чѣмъ выѣхать въ Россію, Роммель посѣтилъ главные города сѣверной Германіи. Въ Лейпцигѣ русскій консулъ Шварцъ снабдилъ его 200 дукатами на путешествіе. Въ Дрезденѣ «принялъ меня съ грандеппой», говоритъ Роммель, «русскій посланникъ Ханыковъ. Изъ замѣчаній его и его спутника, настоящаго сармата, я скоро убѣдился, что эти господа имѣютъ лишь смутное представленіе о томъ сортѣ нѣмецкихъ ученыхъ, которыхъ побуждало переселиться въ Россію не желаніе разбогатѣть и имѣть кареты и лошадей, а высшія космополитическія и научныя соображенія». Въ половинѣ декабря 1810 года Роммель выѣхалъ изъ Дрездена въ Прагу, гдѣ въ то время жилъ бѣжавшій отъ французовъ курфюрстъ Гессенскій, который, говоритъ Роммель, «при прощаніи, въ твердой увѣренности, что возвратится въ свои владѣнія, сказалъ: «я надѣюсь, что Вы тогда не будете однимъ изъ послѣднихъ, которые послѣдуютъ за мною». Изъ Праги Роммель направился черезъ Лембергъ въ Россію и 1 января 1811 года прибылъ на русскую границу, гдѣ его очень удивило любезное обращеніе на латинскомъ языкѣ русскаго переводчика, воспитанника русскаго университета. Черезъ Бердичевъ, Кіевъ, Полтаву Роммель пріѣхалъ въ Харьковъ вечеромъ 17 января 1811 года. Ему пришлось проѣзжать мимо большого освѣщеннаго дома. «Это былъ, пишетъ Роммель, университетъ, гдѣ ректоръ Рижскій (знаменитый риторикъ) какъ разъ собралъ на ужинъ своихъ университетскихъ товарищей съ ихъ женами. Стоявшіе на часахъ казаки доложили обо мнѣ. Ректоръ пригласилъ меня и обнялъ

по русскому обычаю; со всѣхъ сторонъ меня поздравляли со столь быстрымъ окончаніемъ труднаго путешествія. Въ тотъ же вечеръ я отправился къ своему земляку, профессору фонъ-Шмерфельду, который пріютилъ меня на нѣсколько дней въ своемъ домѣ. Даровая квартира, отведенная мнѣ ректоромъ въ зданіи казеннокоштныхъ студентовъ, и выдача жалованья за годъ въ размѣрѣ 2000 рублей дали мнѣ возможность приобрести всю необходимую мебель, пару лошадей и сани». Для того чтобы изучить русскій языкъ, онъ нанялъ въ услуженіе университетскаго солдата. Вскорѣ прибыла его бібліотека, и онъ уже черезъ нѣсколько дней устроился настолько, «что могъ принимать посѣщенія товарищей и приступить къ чтенію, на латинскомъ языкѣ, лекцій».

Въ 1812 году по выбору совѣта Роммель былъ назначенъ директоромъ (по формулярному списку, инспекторомъ) Педагогическаго института. Боясь, что, въ виду плохого знанія русскаго языка, пользы отъ его преподаванія будетъ мало, онъ написалъ для института «Дидактику и Методику», переведенную затѣмъ на русскій языкъ.

При сравнительно большомъ числѣ слушателей Роммеля обнаружился недостатокъ въ печатныхъ экземплярахъ греческихъ и римскихъ писателей, такъ что ему приходилось диктовать самый текстъ авторовъ, которыхъ онъ объяснялъ. Избранныя рѣчи и философскія сочиненія Цицерона, а также произведенія Саллюстія и Корнелія Непота,—которые читались и въ гимназіяхъ,—по порученію совѣта были изданы имъ съ примѣчаніями и напечатаны въ университетской типографіи.

«Постепенно, говоритъ онъ, я создалъ и филологическій семинарій, гдѣ преподавались основы высшей грамматики, критики, герменевтики и археологій». «Я смѣю льстить себя надеждою, пишетъ Роммель, что это научное сѣмя классической древности не все упало на скалистую почву, такъ какъ я помню еще многихъ молодыхъ русскихъ (между ними Адамовича, Гевлича, Комлишинскаго, Громова и нынѣшняго статскаго совѣтника фонъ-Кенпена), которымъ филологія прочистила путь къ солидному умственному развитію». «Къ моимъ обязанностямъ принадлежало и произнесеніе рѣчей въ день рожденія императора. Изъ университетскихъ ораторскихъ торжествъ я помню только торжество погребенія нашего ректора Рижскаго», на которомъ, говоритъ Роммель, я третьимъ произнесъ рѣчь на латинскомъ языкѣ.

Деканомъ словеснаго факультета Роммель былъ только одинъ разъ (съ 1-го января 1813 года). Деканъ долженъ былъ имѣть высшее наблюденіе надъ минцкабинетомъ и производить ревизію его. Роммель, при исполненіи этой обязанности, обнаружилъ отсутствіе каталога. За это «завѣдующій минцкабинетомъ, французъ, говоритъ Роммель, безгранично

возненавидѣлъ меня; новый ректоръ университета, сербъ, былъ, повидимому, съ нимъ согласенъ, но русскіе, съ университетскимъ канцлеромъ (assessor perpetuus) во главѣ, стали на мою сторону. Съ этихъ поръ я принадлежалъ къ тѣмъ немногимъ иностранцамъ, о которыхъ русскіе говорили, что они соблюдаютъ интересы казны (которую подчасъ обманывали безсовѣстно).

Вмѣстѣ съ Стойковичемъ Роммель основалъ состоявшую при университетѣ «академію наукъ», т. е. Общество Наукъ, предсѣдателемъ котораго былъ избранъ.

Одно время Роммель «наблюдаетъ, какъ сказано въ его формулярномъ спискѣ, за пріемомъ, отпускомъ и сохранностью суммъ университета».

Въ качествѣ члена училищнаго комитета онъ былъ одинъ разъ командированъ для ревизіи гимназій. При этомъ онъ познакомился, какъ онъ говоритъ, «съ двумя главными недугами гимназій: большой нравственной испорченностью учениковъ и почти неограниченной властью директоровъ гимназій».

Раньше, вскорѣ по пріѣздѣ въ Харьковъ, Роммель получилъ изъ Петербурга порученіе прочесть надпись на большомъ кускѣ песчаника, найденнаго около Славянска. Прочесть надписи онъ не могъ, такъ какъ она состояла изъ неизвѣстныхъ ему грубыхъ знаковъ. Онъ ограничился отправкою въ Петербургъ факсимиле. Впослѣдствіи онъ обнаружилъ сходство этихъ знаковъ съ рунами.

Въ февралѣ 1813 года¹⁾ Роммель женился на Маргаритѣ Ивановнѣ Черновой, дочери маіора, помѣщика въ Водолагѣ. Не долго длилось счастье семейной жизни. Часто повторявшаяся раздражительность его молодой жены, постоянные пріѣзды всѣмъ семействомъ ея родныхъ, которые по тѣлымъ недѣлямъ мѣшали ему заниматься, безцеремонный пріѣздъ на нѣсколько недѣль кузена жены, возбуждившаго ревность въ Роммелѣ, наконецъ, ненависть, послѣ Наполеоновскаго нашествія, ко всѣмъ иностранцамъ, повліявшая и на семейныя отношенія Роммеля, — все это подорвало его любовь къ женѣ, «воспламененную, по его словамъ, болѣе фантазіей, чѣмъ симпатіей и вкусомъ». Роммель рѣшилъ переѣхать въ Петербургъ, «чтобы пріобрѣсти независимость и найти другую должность». Въ совѣтѣ университета было получено предложеніе министра графа Разумовскаго отъ 30 апрѣля 1814 года съ разрѣшеніемъ, по постановленію комитета министровъ, Роммелю увольненія «въ чужіе края на годъ съ полученіемъ половиннаго жалованья» (другая половина назначалась его замѣстителю)

¹⁾ Въ его воспоминаніяхъ женитьба отнесена къ 1811 году, но это, очевидно, опечатка. Въ формулярномъ спискѣ онъ значится женатымъ только съ 1813 года, да и невѣроятно, чтобы онъ черезъ мѣсяцъ послѣ пріѣзда въ Харьковъ успѣлъ уже завести столь обширныя знакомства.

а. отъ 28 іюля 1814 года графъ Разумовскій предлагаетъ совѣту, по постановленію того же комитета министровъ, руководствоваться относительно жалованья Роммелю существующими узаконеніями. Роммель распродать всю мебель, нанялъ для перевозки вещей и лучшихъ книгъ три телеги и выѣхалъ вмѣстѣ съ женою въ іюлѣ 1814 года изъ Харькова, во время тифозной эпидеміи. Въ Петербургѣ ему не удалось найти соотвѣтствующей его желаніямъ должности, и въ началѣ 1815 года онъ покинулъ Россію. Его жена осталась въ Петербургѣ, не пожелавъ разставаться съ родиною, и уполномочила Роммеля выхлопотать разводъ, послѣ того какъ ея попытки добиться его не увѣнчались успѣхомъ. Разводъ совершилъ курфюрстъ Гессенскій въ 1816 году на основаніи названнаго полномочія и бездѣтности брака. Въ 1815 г. Роммель получилъ кафедру исторіи въ Марбургскомъ университетѣ. Въ августѣ того же года онъ получилъ черезъ Харьковскій университетъ увольненіе изъ російской государственной службы. Въ началѣ двадцатыхъ годовъ онъ былъ переведенъ курфюрстомъ Гессенскимъ въ Кассель на должность директора Гессенскаго дворцоваго архива съ званіемъ придворнаго Гессенскаго историографа. Затѣмъ онъ получилъ должность директора государственной бібліотеки, государственнаго архива и Кассельскаго музея.

Роммель умеръ въ Касселѣ 21 января 1859 года.

Труды Роммеля въ хронологическомъ порядкѣ. (Этотъ списокъ составленъ по „воспоминаніямъ“ Роммеля, его формулярному списку и запискѣ неизвѣстнаго мнѣ автора, составляющей собственность Д. И. Багалѣя. Изъ послѣднихъ двухъ документовъ заимствованы названія тѣхъ трудовъ Роммеля, которые приведены на русскомъ языкѣ). 1) *Abulfedae Arabiae descriptio commentario perpetuo illustrata.* Göttingen. 1802. 2) *Caucasiarum regionum et gentium Straboniana descriptio commentario perpetuo illustrata.* Leipzig. 1803. 3) Различныя статьи, относящіяся къ географіи Аравіи, напечатанныя въ Bertuch's Geographische Ephemeriden. 1800—1803 г. 4) *De styli quibusdam virtutibus ad orationem ornandam necessariis.* Рѣчь. 1804. 5) *De Taciti descriptione Germanorum.* Программа въ обзорѣнн преподаванія Марбургскаго университета. 1805. 6) *Ueber Philologie und philologische Interpretation der griechischen und römischen Classiker.* Программа. Marburg. 1805. 7) *Veterum de Amazonibus narratio exponitur, examinatur, illustratur.* Программа. Marburg. 1806. Статьи, частью безъ подписи, частью съ подписью „R“, различнаго содержанія въ „Neuer deutscher Merkur“ 1805—1806: 8) *Ueber das Studium der Alten, als Gegenstand des öffentlichen Unterrichts.* 9) *Ueber die Kunst zu reden und die Beredtsamkeit.* 10) *Ueber den Charakter des Cicero.* 11) Нѣсколько статей по древней географіи Азіи и по Тацитовской этнографіи и географіи въ „Allgemeine geographische Ephemeriden“ 1806—1807. 12) *Ueber Vaterlandsliebe* въ „Minerva“ 1808. — Въ „Freimüthiger“ 1807—1808: 13) *Ueber die Gesetze der Kunst.* 14) *Ueber das Ideal in der Kunst.* 15) *Einige Vorschläge zur Verbesserung der deutschen Literatur.* — Въ „Morgenblatt“ 1807—1808: 16) *Ueber die Gelehrtenrepublik.* 17) *Ueber den Pöbel (der Gelehrten).* 18) *Ueber das goldene Zeitalter der deutschen Literatur.* 19) *Ueber die verschiedenen Bestandtheile unserer Cultur, nebst andern Reflexionen.* — 20) Кавказскіе дикари по

извѣстіямъ путешественниковъ въ „Archiv für Ethnographie und Linguistik“. Отдѣльно это сочиненіе вышло въ Веймарѣ въ 1808 году. Въ 1803 году, по словамъ Роммеля, были имъ закончены: 21) *Geschichte der griechischen Literatur mit einer Charakteristik der vorzüglichsten Dichter, Redner, Historiker und Philosophen.* 22) *Eine Theorie der Beredtsamkeit, nach dem Muster des Aristoteles mit Rücksicht auf die neue Epoche der Oeffentlichkeit und Mündlichkeit der Gerichte.* 23) *Eine Statistik des römischen Reiches unter dem Gesichtspunkte der Staats-Grundmacht, der Verfassung und der Verwaltung.* Гейне въ письмѣ къ Роммелю говоритъ объ этихъ трудахъ: „Если Вы найдете издателя для Вашихъ трехъ работъ, то изданіе, навѣрно, доставитъ честь и имя“. Вѣроятно онѣ не были напечатаны. 24) Переводъ на нѣмецкій языкъ „Характеровъ“ Теофраста. Напечатанъ въ Лейпцигѣ въ 1809 году (Второе изданіе въ 1828 г. въ Пренцау). 25) *Aristoteles und Roscius, über die Kunst überhaupt und die Gebahren- und Declamirkunst.* Leipzig. 1809. 26) *Marci Tullii Ciceronis orationes selectae. Universitatis Charcoviensis auctoritate curavit Christophorus Rommel. Charcoviae. 1811.* 27) *De eruditionis verae ac perfectae vi et praestantia.* — Рѣчь на актѣ 30 августа 1811 г. 28) Въ 1812 году рѣчь въ день рожденія Государи Императора объ ученыхъ учрежденіяхъ и академіяхъ древняго и новаго міра. 29) Рѣчь на похоронахъ Рижскаго. 30) *Marci Tullii Ciceronis libri de amicitia, de senectute et de officiis nec non paradoxa et somnium Scipionis. Caesareae universitatis Charcoviensis auctoritate edidit atque illustravit Christophorus Rommel. Charcoviae. 1813.* 31) Въ 1813 году Роммель издалъ, вмѣстѣ съ Шадамъ, нѣмецкую христоматію, въ которой поэтическая часть составлена имъ. 32) *Cornelii Nepotis vitae excellentium imperatorum. Universitatis Caesareae Charcoviensis auctoritate curavit Christophorus Rommel. Charcoviae. 1814.* 33) *Erinnerungen aus meinem Leben und meiner Zeit, написанныя въ 1815 году (прибавленіе доведено до 1816 года).* Напечатаны въ сборникѣ Bülow: *Geheime Geschichten und räthselhafte Menschen.* V Bd. Leipzig. 1854. Эти воспоминанія въ извлеченіяхъ переведены на русскій языкъ Баласнымъ и напечатаны подъ заглавіемъ: „Пять лѣтъ изъ жизни Харьковскаго университета“. 34) *Ibid.* Біографія Георгія Хмѣльницкаго, сына Богдана. 35) Въ бытность свою въ Харьковѣ Роммель составилъ для Педагогическаго института „Дидактику и Методику“, переведенную на русскій языкъ студентами и удостоившуюся одобренія министра графа Разумовскаго ¹⁾.

Приведенный списокъ трудовъ Роммеля показываетъ, какъ многосторонни были его научные интересы, но преобладало, несомнѣнно, влеченіе къ историческимъ изслѣдованіямъ. Въ трудахъ, относящихся непосредственно къ той каедрѣ, которую онъ занималъ въ Харьковскомъ университетѣ, руководящею является та точка зрѣнія, что изученіе древнихъ авторовъ обогащаетъ знаніе и науку и развиваетъ чувство прекраснаго какъ у отдѣльныхъ лицъ, такъ и у цѣлыхъ народовъ; но главную пользу оно приносить тѣмъ, что образы доблестныхъ мужей побуждаютъ насъ слѣдовать ихъ примѣру. (Ср. *De vita et moribus Ciceronis* въ изданіи рѣчей Цицерона, раз. IX). Поэтому и въ біографіи Цицерона Роммель ставитъ себѣ цѣлью показать, какимъ онъ былъ человѣкомъ и гражданиномъ, имѣя въ виду болѣе его жизнь и характеръ, чѣмъ ученость и

¹⁾ О Роммелѣ, какъ преподавателѣ всеобщей литературы, см. ниже въ отдѣлѣ біографіи профессоровъ по этой каедрѣ.

произведения (I. c. pag. XII). Эта биография,—та часть издания рѣчей Цицерона, которая, по словамъ самого Роммеля въ предисловіи, является оригинальнымъ произведеніемъ его,—написана изящнымъ латинскимъ языкомъ и представляетъ сжатое послѣдовательное изложеніе фактовъ изъ жизни Цицерона на основаніи источниковъ и затѣмъ панегирикъ Цицерону, который изображенъ во всѣхъ отношеніяхъ идеальнымъ человѣкомъ, гражданиномъ и ораторомъ. О специально филологической эрудиціи Роммеля по этому изданію рѣчей Цицерона (числомъ 12) судить невозможно, такъ какъ критическія (простыя указанія разночтеній подъ текстомъ) и экзегетическія (въ концѣ книги) примѣчанія являются извлеченіями изъ другихъ изданій, бывшихъ въ распоряженіи Роммеля. Можно только сказать, что изъ разночтеній онъ выбиралъ и вносилъ въ текстъ самыя изящныя. То же самое нужно сказать и объ изданіи Цицероновыхъ произведеній: *De amicitia*, *De senectute* etc. Предисловіе къ изданію Корнелія Непота заключаетъ въ себѣ упрекъ обществу, не только русскому, но и всему европейскому, въ томъ, что оно отворачивается отъ занятія филологіей, и повторяетъ мысли, высказанныя авторомъ въ биографіи Цицерона, о пользѣ изученія древнихъ писателей для нравственнаго совершенствованія человѣка, прибавивъ еще важность изученія грамматики древнихъ языковъ, какъ основы высшаго образованія и науки. Текстъ изданъ безъ примѣчаній, но за нимъ слѣдуютъ: хронологическая таблица событій, указатель историческихъ и географическихъ именъ и *index latinitatis*, замѣняющій собою экзегетическій комментарий. Самостоятельной научной работы и этотъ трудъ не обнаруживаетъ. Вообще по этимъ изданіямъ невозможно судить о Роммелѣ, какъ ученомъ специалистѣ-филологѣ. Къ памятникамъ древней классической литературы, судя по этимъ изданіямъ, онъ относился не какъ филологъ, а какъ моралистъ и историкъ. Отчасти это объясняется, можетъ быть, желаніемъ удовлетворить вкусамъ его слушателей. По крайней мѣрѣ, онъ въ своихъ воспоминаніяхъ такъ говоритъ о русскихъ: «у нихъ почти совершенно отсутствовалъ органъ для высшей философіи и филологіи»; а въ другомъ мѣстѣ: «Произнесенная мною въ 1812 году академическая рѣчь, изображавшая въ крупныхъ очертаніяхъ ученныя учрежденія и академіи древняго и новаго міра, поправилась русскимъ, которые, будучи незнакомы съ мелочными историческими замѣтками, питаютъ естественное влеченіе къ колоссальнымъ туманнымъ картинамъ». Рѣчи, о которой онъ здѣсь упоминаетъ, у меня подъ руками нѣтъ; но по своему характеру отъ нея, вѣроятно, мало отличается рѣчь, произнесенная имъ на актѣ 30 августа 1811 года: *De eruditionis verae ac perfectae vi et praestantia*. Здѣсь вначалѣ ораторъ говоритъ о томъ, что всѣ насадители просвѣщенія въ своихъ государствахъ ириглашали для

этого иностранцевъ. Такъ поступилъ и Петръ Великій и всѣ его потомки до Александра I включительно. Всѣ народы заимствовали свое просвѣщеніе у другихъ, болѣе просвѣщенныхъ народовъ: персы у мидянъ, греки у Азіи и Египта и т. д., наконецъ, въ послѣднее время Россія заимствовала просвѣщеніе у франко-галловъ и германцевъ, или подвинута ими на болѣе высокую степень просвѣщенія.

Затѣмъ ораторъ переходитъ къ самому просвѣщенію, при чемъ, отклонивъ недомысліе и близорукость многихъ, будто науки развращаютъ людей, указываетъ на то, что всѣ благодѣтели народовъ были людьми просвѣщенными. Люди просвѣщенные стремятся не къ виѣшнимъ переходящимъ благамъ и почестямъ, а къ неизблемому совершенству души и ума, которое сообщаетъ ихъ именамъ славу и безсмертіе. Но истинно просвѣщенныхъ людей мало, и между просвѣщеніемъ истиннымъ и совершеннымъ и просвѣщеніемъ поверхностнымъ такая же разница, какъ между человѣкомъ ученымъ и невѣждою. При установленіи сущности просвѣщенія Роммель останавливается только на наукѣ, оставляя на этотъ разъ въ сторонѣ поэзію и искусство. Достиженіе учености сопряжено съ трудами и лишеніями, но достигши ея просвѣщаетъ грубыхъ и поддерживаетъ просвѣщенныхъ. Въ немногихъ словахъ ораторъ опредѣляетъ задачи философіи, географіи, этнографіи, исторіи и филологіи, которая, являясь основою всякой науки, имѣетъ, однако, разныя спеціальныя области, изученіе которыхъ представляетъ особенныя спеціальныя трудности. Указавъ на то, что онъ не касается юридическихъ и медицинскихъ наукъ, но опредѣливъ, все-таки, ихъ цѣли, ораторъ рекомендуетъ, приобрѣти общія познанія по всякой наукѣ, заняться спеціально одною, такъ какъ не количествомъ, а качествомъ опредѣляется истинное и совершенное просвѣщеніе, высшая заслуга котораго состоитъ въ томъ, что оно научаетъ познавать внутреннюю силу самаго знанія, какъ истины, и выражать послѣднюю наглядно и подобающимъ образомъ. Заканчиваетъ свою рѣчь ораторъ патетическимъ обращеніемъ къ божественному свѣту истины и пожеланіемъ, чтобы лица, поставленные въ университетѣ для распространенія ея, были истинными жрецами ея. Эта рѣчь искуснымъ построеніемъ, изящнымъ и патетическимъ, но не вычурнымъ, изложеніемъ, возвышенностью стремленій и идеаловъ обнаруживаетъ въ Роммелѣ одного изъ достойнѣйшихъ сыновъ своего времени, отмѣченнаго въ исторіи борьбою народовъ за свободу и культуру противъ насилія, проникавшаго даже въ область просвѣщенія. Можно искренно пожалѣть о томъ, что преподаваніе этого профессора въ Харьковскомъ университетѣ было такъ кратковременно.

Г. О. Шульцъ.

Милюновичъ Савва Петровичъ, изъ иностранцевъ, родился въ Европейской Турціи, въ Сараевѣ, главномъ городѣ Босніи. Начальнымъ основаніямъ греческаго языка обучался въ своемъ отечествѣ. На одиннадцатомъ году отъ рожденія отправленъ былъ въ Грецію, гдѣ въ тамошнихъ высшихъ училищахъ пять лѣтъ сряду продолжалъ учиться древнему греческому языку и словесности. Въ маѣ 1789 года изъ Греціи переѣхалъ въ Россію и началъ въ іюнѣ того же года въ Московской славяно-греко-латинской академіи обучаться исторіи, риторикѣ, философіи, богословію, латинскому и русскому языкамъ. По окончаніи курса наукъ академіи, отправился въ С.-Петербургъ съ Славянскимъ и Херсонскимъ архіепископомъ Евгеніемъ, при которомъ находился до 1792 года. Въ началѣ этого года былъ отправленъ иностранною коллегіею въ Голландію и находился при посольствѣ до окончанія голландской миссіи. Въ бытность его въ Голландіи обучался французскому языку и словесности. Въ 1795 году, по окончаніи голландской миссіи, возвратился съ посольствомъ въ С.-Петербургъ. 6-го января 1796 года, по увольненіи отъ сего мѣста, отправился на своемъ иждивеніи въ Германію, гдѣ, для усовершенствованія себя въ приобрѣтенныхъ познаніяхъ, посѣщалъ тамошніе университеты. Получивъ тамъ нужныя свѣдѣнія, пріѣхалъ 17-го іюня 1799 года въ Кронштадтъ, а оттуда по Высочайшему соизволенію переѣхалъ въ С.-Петербургъ, но въ томъ же году отправился изъ С.-Петербурга въ Орловскую губернію, гдѣ въ теченіе четырехъ лѣтъ, до 1804 года, упражнялся въ наставленіи юношества партикулярно. Потомъ поѣхалъ въ С.-Петербургъ, гдѣ, по выдержаніи въ педагогическомъ институтѣ экзамена, опредѣленъ 15-го августа 1804 года Императорскаго Харьковского университета попечителемъ графомъ С. О. Потоцкимъ въ Черниговскую гимназію учителемъ философіи, изящныхъ наукъ и политической экономіи. 12-го апрѣля 1812 года, 45-ти лѣтъ отъ роду, удостоенъ Императорскимъ Харьковскимъ университетомъ званія адъюнкта греческаго языка и словесности. На этомъ оканчивается формулярный списокъ Милюновича. Умеръ онъ скоропостижно 2-го января 1815 г. Ни сочиненій, ни рѣчей его не упоминается.

Изъ обзорѣній преподаванія за 1812-3, 1813-4 и 1814-5 гг. видно, что онъ преподавалъ греческую грамматику по Веллеру, излагалъ историческія свѣдѣнія о греческихъ ораторахъ, объяснялъ рѣчи Демосфена и читалъ греческія древности.

Г. О. Шульцъ.

Куницкій Павелъ Алексѣевичъ родился въ 1788 г.; онъ происходилъ изъ духовнаго званія и съ 1799 г. обучался въ Кіевской духовной академіи. Уволившись изъ духовнаго званія, Куницкій въ 1810 г. поступилъ въ Московскій университетъ и въ слѣдующемъ же году получилъ здѣсь степень кандидата изящныхъ наукъ. Въ виду того, что въ 1816 г. въ Харьковскомъ университетѣ явилась надобность въ преподавателѣ греческаго языка и словесности, Куницкій изъявилъ желаніе преподавать здѣсь эти предметы. Но предварительно, по требованію совѣта Харьковского университета, онъ долженъ былъ выдержать при Московскомъ университетѣ соотвѣтствующее испытаніе. На основаніи этого испытанія, произведеннаго «въ знаніи языка и исторіи греческой словесности, въ критическомъ разборѣ древнихъ писателей и въ способности изустнаго преподаванія учебныхъ предметовъ», Отдѣленіе словесныхъ наукъ Московскаго университета единогласно нашло Куницкаго достойнымъ преподавать въ университетѣ греческую словесность въ званіи адъюкта. Сверхъ экзамена, аспирантъ прочелъ также пробную лекцію, посвященную объясненію XXII идилліи Теокрита «Касторъ и Поллуксъ». Въ силу этихъ данныхъ Куницкій въ 1816 году былъ избранъ въ лекторы греческаго языка въ Харьковскомъ университетѣ. Яркую картину того печальнаго положенія, въ какомъ находился Куницкій, прибывъ на мѣсто своей службы, рисуетъ въ своихъ воспоминаніяхъ сынъ выдающагося харьковского профессора Г. П. Успенскаго: «Явившись въ Харьковъ», говоритъ авторъ, «онъ никого не имѣлъ знакомыхъ, кромѣ тѣхъ попутчиковъ, съ кѣмъ пріѣхалъ изъ Москвы. Куницкій вошелъ въ нашъ домъ, ученый, но бѣдный до пролетаризма и стиснутый его тисками до жалости. Бѣднякъ искалъ опоры и пріюта. Моему отцу пріятнымъ казалось, что къ нему прямо обратился, въ немъ одномъ искалъ ученый москвитянинъ». Повидимому, молодой лекторъ какъ по своимъ дарованіямъ, такъ и по знаніямъ заслуживалъ расположенія, которое сталъ оказывать ему Г. П. Успенскій, бывшій въ то время деканомъ факультета. По крайней мѣрѣ, Н. П. Костомаровъ, заставшій Куницкаго уже совершенно опустившимся, сообщаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что онъ «зналъ хорошо не только древніе, но и нѣкоторые изъ новѣйшихъ языковъ, и былъ знакомъ съ ихъ литературами». Какъ видно изъ послужнаго списка Куницкаго и изъ дѣлъ о немъ, онъ быстро всталъ на ноги по прибытіи въ Харьковъ. Такъ, въ 1817 году онъ является уже преподавателемъ греческой словесности въ Харьковскомъ духовномъ collegіумѣ. Въ 1818 году онъ былъ утвержденъ секретаремъ цензурнаго комитета; въ томъ же году избранъ совѣтомъ университета въ адъюнкты. Въ слѣдующемъ году мы находимъ его уже секретаремъ словеснаго факультета. Въ

томъ же году довѣріе къ преподавательскимъ способностямъ Куницкаго выразилось въ томъ, что совѣтъ университета поручилъ ему, послѣ смерти адъюнкта Гонорскаго, чтеніе лекцій по всеобщей географіи и статистикѣ. Въ 1820 году Куницкій былъ избранъ и утвержденъ секретаремъ училищнаго комитета при Харьковскомъ университетѣ. Но затѣмъ наступаетъ довольно большой перерывъ въ успѣхахъ нашего ученаго, такъ какъ только въ 1826 г. онъ былъ избранъ и произведенъ въ экстраординарные профессора. Въ томъ же году онъ былъ избранъ и утвержденъ секретаремъ этико-политическаго факультета безъ жалованья, а также во время поѣздки въ Петербургъ тогдашняго ректора университета И. Г. Кронеберга нѣсколько мѣсяцевъ читалъ за него студентамъ лекціи по нѣмецкому языку. Помимо быстраго движенія по службѣ, первые годы пребыванія въ Харьковѣ Куницкаго ознаменовались цѣлымъ рядомъ недурныхъ для того времени стихотворныхъ переводовъ изъ греческихъ и римскихъ поэтовъ, которые помѣщены были въ мѣстномъ журналѣ «Украинскій Вѣстникъ», а также рѣчью, произнесенной имъ въ торжественномъ собраніи университета въ 1820 году, въ которой онъ сравниваетъ между собою отличительныя черты древнихъ и новыхъ писателей. Переводы Куницкаго являются очень интересными для насъ, такъ какъ обнаруживаютъ въ немъ правильное чутье стихотворной формы, которое предохранило его отъ ошибки Гнѣдича и Жуковскаго, стремившихся въ своихъ переводахъ: первый Иліады, второй Одиссеи Гомера—сохранить размѣръ подлинника. Въ своихъ переводахъ нашъ ученый совершенно эманципировался отъ такой неблагоприятной задачи, вслѣдствіе чего они отличаются легкостью и вѣрно передаютъ тонъ оригинала. Эта особенность переводовъ Куницкаго должна быть оцѣнена тѣмъ выше, что нѣкоторые даже изъ современныхъ намъ переводчиковъ до сихъ поръ еще не видятъ разницы между нашимъ дактилическимъ гексаметромъ и греческимъ или латинскимъ. Любопытною является и актовая рѣчь Куницкаго, такъ какъ онъ, между прочимъ, указываетъ на необходимость при оцѣнкѣ древнихъ писателей считаться съ особенностями ихъ времени. Но, къ сожалѣнію, молодой профессоръ не устоялъ на высотѣ положенія, которое онъ первоначально занялъ: въ жизни его произошелъ переломъ, который объясняется неудачной его женитьбой на дочери пригрѣвшаго его Г. П. Успенскаго. Жена Куницкаго совершенно не подходила къ нему, какъ это видно изъ словъ ея же собственнаго брата, да и отдана она была отцомъ замужъ противъ собственной воли. «Они» (т. е. Куницкіе), говоритъ онъ, «не только имѣли разныя о всемъ понятія, объяснялись неодинаковымъ языкомъ, неодинаково чувствовали, не одно видѣли впереди, но они скоро поняли, что ошиблись, обманулись, сведены поневолѣ, почти насильно и потому отвернулись одинъ отъ дру-

того. Мужъ пренебрегъ неразвитою женой, жена оскорбилась насмѣшливостію мужа». Довершилъ дѣло семейный разладъ, вызванный желаніемъ молодыхъ получить отдѣлъ со стороны Г. П. Успенскаго. «Слѣдствіемъ ссоры», говоритъ сынъ его въ своихъ воспоминаніяхъ, «была опасная продолжительная болѣзнь сестры, полное охлажденіе къ ней мужа и начало гибельнаго его пристрастія къ вину». И дѣйствительно, послѣ 1818 года ни о какихъ ученыхъ или литературныхъ трудахъ Куницкаго мы не знаемъ. Постепенно онъ растериваетъ и тѣ должности, которыя принялъ на себя, вѣроятно, для того, чтобы такимъ путемъ увеличить свои средства. Такъ, въ 1821 году онъ уже бросаетъ преподаваніе греческой словесности въ Харьковскомъ духовномъ collegіумѣ; въ 1826 г. онъ былъ уволенъ отъ исполненія обязанностей секретаря словеснаго факультета, въ слѣдующемъ году—отъ обязанностей секретаря этико-политическаго факультета; въ 1828 году его устранили отъ преподаванія всеобщей географіи и статистики и, наконецъ, въ томъ же году онъ былъ освобожденъ отъ обязанностей секретаря училищнаго комитета. Званія ординарнаго профессора Куницкому не удалось достигнуть совершенно. Трудно представить, чтобы все это произошло случайно, безъ отношенія къ нетрезвому образу жизни, который онъ сталъ вести, и небрежности въ отправленіи своихъ служебныхъ обязанностей. «Куницкій», говоритъ объ этомъ періодѣ его жизни Н. И. Костомаровъ въ своихъ воспоминаніяхъ, «велъ самую нетрезвую жизнь и большую часть времени проводилъ въ трактирахъ и гостиницахъ съ такими же друзьями-собутыльниками. Въ послѣдніе годы службы Куницкій дошелъ до такого нищенства, что ходилъ въ оборванномъ и истасканномъ костюмѣ и чуть не каждый день занималъ по мелочамъ то у одного, то у другого изъ своихъ знакомыхъ». Въ соотвѣтствіи съ этимъ находятся три дѣла о взысканіи съ Куницкаго долговъ разными лицами, сохранившіеся въ университетскомъ архивѣ. Въ такихъ же мрачныхъ краскахъ рисуется намъ состояніе Куницкаго въ послѣдніе годы его жизни и нѣкто И. Б. въ своихъ воспоминаніяхъ. «Куницкій», сообщаетъ онъ намъ, «какъ говорили, былъ ученый человѣкъ, но несчастный: его уже рано поутру можно было встрѣтить возлѣ виннаго погреба—низенькій ростомъ, съ краснымъ лицомъ, съ мокрыми глазами, въ ботфортахъ и крайне неопрятный». Послѣдній годъ жизни Куницкаго—1831—ознаменовался для него большою несправедливостію: отставной канцеляристъ Черняевъ сдѣлалъ доносъ, «будто бы въ Харьковѣ, Одессѣ, Херсонѣ и Таганрогѣ съ 1829 г. до декабря 1830 существовало общество заговорщиковъ, стремящихся разрушить правленіе и даже посягнуть на жизнь помазанника Божія, и что экстраординарный профессоръ Харьковского университета Куницкій

ему открылъ это и пригласилъ его быть переписчикомъ бумагъ и будто всѣ эти бумаги, имъ и студентомъ Крейцомъ писанныя, въ ящикѣ зарыты на университетскомъ бульварѣ и что въ нихъ найдутся и планъ, и имена участвующихъ». Не смотря на очевидную нелѣпость этого доноса, оговоренный былъ обысканъ и опрошенъ и, конечно, оказался непричастнымъ къ заговору, который существовалъ только въ больномъ мозгу Черняева. Умеръ Куницкій 29 іюля 1831 года отъ горячки.

Преподавательская дѣятельность Куницкаго отличалась разнообразіемъ, какъ это видно изъ тѣхъ курсовъ, которые онъ объявлялъ. Такъ, въ предѣлахъ своей специальности онъ читалъ курсы греческой грамматики (нѣкоторые—по сравнительному методу), метрики, исторіи греческой литературы и міѳологіи, переводилъ Платонова Критона, а также отдѣльныя статьи изъ хрестоматіи Гедике, стихотворной хрестоматіи Беленъ-де-Баллю и изданія писателей Матея. Сверхъ того, для желающихъ Куницкій объяснялъ сочиненія Цицерона: «Ораторъ» и «О дружбѣ», Вергиліевы «Георгики» и Гораціево сочиненіе «О поэзіи». Нѣкоторое время онъ же читалъ теорію статистики (по Герману) и географію важнѣйшихъ европейскихъ государствъ (по Гейму) и преподавалъ нѣмецкій языкъ.

Какъ преподаватель, Куницкій не оправдалъ тѣхъ ожиданій, какія на него можно было возлагать первоначально: виною этого главнымъ образомъ были его лѣнь и небрежное отношеніе къ дѣлу. По крайней мѣрѣ вотъ что говоритъ Н. И. Костомаровъ объ отправленіи Куницкимъ своихъ служебныхъ обязанностей: «Куницкій позже другихъ профессоровъ начиналъ лекціи свои въ университетѣ и ранѣе всѣхъ оканчивалъ ихъ. Такъ же точно сокращалась почти каждая изъ лекцій то запаздываніемъ профессора, то преждевременнымъ выходомъ его изъ аудиторіи. Не рѣдко случалось и въ теченіе учебнаго года, что Куницкій прекращалъ свои лекціи подъ разными предлогами: то по случаю ненастной погоды, то ради грязи, которою изобиловали тогда немощеныя Харьковскія улицы, особенно въ весеннюю и осеннюю распутицу». Впрочемъ, Куницкій не заставлялъ своихъ слушателей понапрасну дожидаться его, а всегда заранѣе предупреждалъ ихъ о такихъ перерывахъ въ чтеніи лекцій. О характерѣ его преподаванія сообщаетъ намъ нѣкоторые свѣдѣнія другой его слушатель, нѣкто И. Б. «Лекціи его (т. е. Куницкаго)», замѣчаетъ послѣдній, «состояли въ томъ, что онъ, будто бы поправляя наше чтеніе и переводъ, самъ и читалъ, и переводилъ, приправляя свою работу шутками и остротами: «слава Богу, не только перевели, но и перевезли» и проч. Лекціи Куницкаго по всеобщей статистикѣ студенты слушали съ интересомъ, какъ это видно изъ отзыва о нихъ того же И. Б.

Ученые труды: „Мосхова Идиллія“, стих., перев. съ греческаго (Украинскій Вѣстникъ, 1816, мартъ, 349—351); „Времена года“, Біонова идиллія (тамъ же, 1816, май, 216—217);—„Доблесть“, „Ода Эриины“ (тамъ же 1816, апрѣль, 80—81);—„Орфей и Евридика“ изъ Вергиліевыхъ Георгикъ (тамъ же, 1816, октябрь 92—97);—„Отрывокъ изъ Каллимахова гимна Аполлону“ (тамъ же, 1818, апрѣль, 99—101);—„De peculiaribus veterum et recentiorum scriptorum characteribus“ (рѣчь, произнесенная въ торж. собр. И. Х. У. 30 августа, 1820 г.).

Я. А. Денисовъ.

Джунковскій Василій Яковлевичъ, ординарный профессоръ греческой словесности (1818—1826 г.), изъ дворянъ, родился въ 1767 году. По окончаніи курса въ Харьковскомъ коллегіумѣ поступилъ «волонтеромъ» при С.-Петербургскомъ военномъ госпиталѣ въ 1788 г. Въ 1790 г. онъ получилъ мѣсто учителя русск., латин. и греч. языковъ въ Имп. Медико-хирургическомъ институтѣ. Кромѣ преподаванія названныхъ языковъ, въ 1791 г. ему было поручено «смотрѣніе надъ учащимися въ ономъ институтѣ». Въ 1795 г. онъ былъ назначенъ переводчикомъ въ бывшую Государственную Медицинскую коллегію съ оставленіемъ учителемъ. Въ 1802 г., по преобразованіи Медико-хирург. института въ академію, былъ назначенъ библіотекаремъ академіи съ оставленіемъ и переводчикомъ Медицинской коллегіи. Въ 1804 г. былъ назначенъ начальникомъ архива Государственной Медицинской управы съ оставленіемъ библіотекаремъ Медико-хирург. академіи. Въ томъ же году онъ назначенъ переводчикомъ при медицинскомъ совѣтѣ, оставаясь библіотекаремъ въ академіи. Сверхъ этихъ должностей онъ получилъ въ томъ же году еще должность корректора при медицинской типографіи. Онъ принималъ какое-то участіе въ «образованіи Императорской медико-хирургической академіи», за что получилъ орденъ. Въ 1808 г. Джунковскій былъ избранъ членомъ Имп. Вольнаго Экономическаго общества. Въ 1811 г. онъ сдѣлался членомъ комитета, учрежденнаго для изданія медицинскаго журнала. Въ 1813 г. избранъ корреспондентомъ медицинскаго совѣта при министерствѣ народнаго просвѣщенія. Въ 1818 г. (по рекомендаціи попечителя округа) совѣтъ Харьк. унив. избралъ, а министръ дух. дѣлъ и народнаго просвѣщ. утвердилъ его профессоромъ греческой словесности. Въ томъ же году онъ сдѣлался непремѣннымъ засѣдателемъ правленія университета. Въ 1819 г. Высочайше утвержденъ членомъ медицинскаго совѣта, утвержденнаго при министерствѣ духовныхъ дѣлъ и народн. просвѣщенія. Въ томъ же году былъ членомъ комитета, учрежденнаго при Харьк. универс. для постройки зданій его, а также членомъ училищнаго и испытательнаго комитетовъ и деканомъ словеснаго отдѣленія. Въ томъ же году, по утвержденію высшаго начальства, поручена ему каѳедра

сельскаго хозяйства. Въ 1820 году былъ визитаторомъ Одесскаго Ришельевскаго лицея и другихъ «по тракту лежащихъ» учебныхъ заведеній. Въ 1820 г. избранъ въ проректоры. Въ 1821 г. Высочайше утвержденъ ректоромъ университета, въ каковой должности оставался до 1826 года. Онъ привелъ въ порядокъ университетскую библіотеку и составилъ систематическій каталогъ ея, который былъ напечатанъ въ 1824 г. Въ 1826 году Высочайше оставленъ при прежнихъ занятіяхъ по званію профессора. Умеръ 9 сентября 1826 года.

Сочиненія и переводы Джунковскаго относятся къ области ветеринаріи, медицины, сельскаго хозяйства и т. п. Только одно сочиненіе, которое затѣмъ на актѣ 30 августа 1819 г. было произнесено имъ и какъ рѣчь, касается до нѣкоторой степени классической филологіи: «Объ изящныхъ художествахъ у грековъ и вліяніи ихъ въ нравственность». Эта рѣчь, заканчивающаяся обращеніемъ къ учащейся молодежи, въ которомъ авторъ приглашаетъ къ занятію науками для достиженія почестей, — не имѣетъ никакого научнаго значенія.

Г. Ф. Шульцъ.

Кронебергъ Иванъ Яковлевичъ (Johann-Christian) (1819—1837) родился въ Москвѣ въ 1788 г. Въ 1800 г. вмѣстѣ съ братомъ былъ отправленъ въ педагогическое заведеніе въ Галле, гдѣ пробылъ по 1805 г., занимаясь подъ руководствомъ извѣстнаго педагога Нимейера (автора трехтомнаго курса педагогики). Изъ Галле перешелъ въ Іенскій университетъ, гдѣ пробылъ до 1807 г., гдѣ началъ изучать юриспруденцію, но, «утомленный сухостью сего предмета», взялся за философію и литературу. Въ 1807 г. получилъ степень доктора философіи въ Іенѣ, въ томъ же году избранъ былъ членомъ Іенскаго латинскаго общества, въ 1814 году — членомъ Іенскаго Великогерцогскаго Минералогическаго общества. По возвращеніи въ Россію, поступилъ въ экспедицію о государственныхъ доходахъ 15 января 1814 г., но 18 ноября того же года уволенъ по прошенію, а 25 декабря былъ уже опредѣленъ въ Московское коммерческое училище директоромъ, въ каковой должности оставался до 15 марта 1818 г. Узнавъ объ открывшейся вакансіи профессора латинскаго языка въ Харьковскомъ университетѣ, Кронебергъ 8 іюля того же года обратился къ попечителю округа З. Я. Карнѣву съ прошеніемъ о предоставленіи ему этого мѣста, приложивши печатные и рукописные труды свои. Назначенъ былъ конкурсъ; изъ двухъ конкурентовъ: Паки де Совиньи и Кронеберга — избранъ былъ послѣдній и 22 января 1819 г. утвержденъ адъюнктомъ по кафедрѣ латинской словесности и древностей.

Съ 21 января 1820 г. по 1 августа 1824 г. состоялъ секретаремъ совѣта. 13 июня 1820 г., согласно избранію (единогласному) совѣта, министръ утвердилъ Кронеберга экстраординарнымъ профессоромъ на вакансіи и съ жалованьемъ ординарнаго; 9 июля 1821 г. Кронебергъ былъ утвержденъ въ званіи ординарнаго профессора. Съ 1 сентября 1820 г. по 20 февраля 1828 г. поручено ему было преподаваніе нѣмецкаго языка. Въ 1821, 1823 — 1826, 1831 — 1833 гг. былъ деканомъ словеснаго факультета. Еще въ 1823 г. совѣтъ избралъ Кронеберга ректоромъ, давъ ему и Комлишинскому на баллотировкѣ и перебаллотировкѣ одинаковое число голосовъ; по представленію попечителя Е. В. Карнѣева, Джунковскій оставленъ былъ ректоромъ «въпредъ до усмотрѣнія». По представленію А. А. Перовскаго, Кронебергъ Высочайше назначенъ исправляющимъ должность ректора «до времени», 2 июня 1826 г., а 22 апрѣля 1827 г. Высочайше повелѣно ему быть ректоромъ «въпредъ до изданія новаго устава для университетовъ». Въ этой должности пробылъ до 1829 года. Въ 1833 году былъ снова избранъ ректоромъ и въ этой должности пробылъ до 1836 г. Съ 1822 по 1826 и съ 21 августа 1830 г. по 1 июля 1833 былъ членомъ училищнаго совѣта. Въ 1822 году совѣтомъ командированъ для визитаціи Курской, Орловской и Воронежской гимназій и другихъ «по тракту лежащихъ уѣздныхъ и малыхъ народныхъ училищъ». Какъ свидѣтельствуется обширный рапортъ, представленный Кронебергомъ по возвращеніи, визитація произведена была имъ весьма тщательно. Состояніе большинства учебныхъ заведеній было не блестяще, и на это Кронебергъ указываетъ безъ всякихъ умолчаній и прикрасъ. Въ Курской, напр., гимназій учебная часть найдена была имъ «въ весьма худомъ состояніи». «Директоръ есть душа гимназій», замѣчаетъ при этомъ Кронебергъ, «отъ директора зависитъ какъ благоустройство гимназій вообще, такъ и благоустройство учебной части въ особенности. Если сіе справедливо, то должно бы опредѣлять въ директоры чиновниковъ свѣдущихъ, по познаніямъ и нравственности способныхъ къ управленію учебныхъ заведеній». «Буде же достаточно имѣть только чинъ, чтобы быть директоромъ, то въ такомъ случаѣ не знаю, можно ли винить директора, если гимназія, таковому ввѣренная, вмѣсто того, чтобы болѣе и болѣе усовершенствоваться, приходитъ болѣе и болѣе въ разстройство и упадокъ». «Дисциплины училищной въ Курской гимназій нѣтъ, и не примѣтно, чтобы учащіе и учащіяся съ прилежаніемъ и точностью исполняли свои обязанности». Далѣе Кронебергъ указываетъ на уменьшающееся число учениковъ гимназій: «Въ прежнихъ годахъ число оныхъ простиралось до 100 и болѣе, нынѣ находится только 38». Съ такою же откровенностью изложены были недостатки и другихъ осматрѣнныхъ учебныхъ заведеній. Получивъ такой рапортъ,

училищный комитетъ донесъ попечителю о принятыхъ имъ мѣрахъ по отношенію къ указаннымъ въ немъ лицамъ. Какъ кажется, попечителя (Е. В. Карнѣва) болѣе всего задѣлъ отзывъ о директорѣ Курской гимназіи (Кологривовѣ), и онъ въ своемъ донесеніи министру и въ предложеніи училищному комитету ставитъ на видъ, что «бывшій попечитель округа (его дялюшка З. Я. Карнѣвъ) послѣ учиненнаго имъ въ 1818 и 1819 гг. осмотра округа въ донесеніи своемъ министру *предъ всѣми гимназіями отдалъ преимущество Курской*. А какъ въ сей гимназіи и г. директоръ и учителя одни и тѣ же, какіе и прежде были, то посему я вмѣнилъ себѣ въ обязанность обратить особенное вниманіе на обстоятельства, прописанныя г. Кронебергомъ по осмотру сей гимназіи». Результатомъ «особеннаго вниманія» было признаніе визитаторства Кронеберга «несоответственнымъ цѣли и намѣренію правительства», ему самому сдѣлано «замѣчаніе, ибо ему должно быть извѣстно, что настоящій директоръ, колл. сов. Кологривовъ, опредѣленъ въ сіе званіе по удостоенію высшаго начальства, слѣдственно, и не его было дѣло судить о таковомъ удостоеніи». Этотъ эпизодъ, характерный для взглядовъ Кронеберга на визитаторство, объясняется, быть можетъ, почему въ 1823 Е. В. Карнѣвъ не утвердилъ Кронеберга въ должности ректора. Слѣдующее визитаторство, въ 1831 г., было произведено такъ же подробно, но никакими непріятными для Кронеберга послѣдствіями не сопровождалось. Съ 13 августа 1825 г. по 23 іюня 1826 г. и съ 16 августа 1830 г. по 1 іюля 1833 г. былъ членомъ испытательной комиссіи для гражданскихъ чиновниковъ. По распоряженію начальства, 8 ноября 1822 г. на него (совмѣстно съ Дудровичемъ) возложено было приведеніе въ порядокъ мюнцъ-кабинета и составленіе описи монетъ, что и исполнено въ 1824 г. Въ 1834 г. представилъ проектъ учрежденія при Харьковскомъ университетѣ педагогическаго института. Ему же обязана своимъ возникновеніемъ студенческая бібліотека. Въ 8-мъ часу вечера 19 октября 1838 г. Кронебергъ умеръ скоропостижно (отъ апоплексическаго удара). 21 октября, въ 11 ч. утра, тѣло его было вынесено въ университетскій залъ въ присутствіи властей, профессоровъ, студентовъ и учениковъ гимназіи. Здѣсь говорили рѣчи: Рындовскій, Метелеркамъ и Валицкій на русскомъ, нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ; на другой день также говорились рѣчи студентами (на русскомъ, новогреч. и французскомъ языкахъ), говорилъ также Метлинскій и др. «Казалось», говорить некрологъ (Харьк. Губ. Вѣд. 1838 г., приб. къ № 43), «потеря была общая; многіе останавливали назначенныя веселія, многіе не хотѣли вѣрить.... Толпа многочисленныхъ зрителей, слезы, искреннія слезы студентовъ, юнаго сословія, которое такъ хорошо постигаетъ умомъ и еще лучше угадываетъ душою достоинства наставника,—были послѣдними доказатель-

ствами всеобщаго уваженія, какимъ по справедливости пользовался покойникъ». И дѣйствительно, университетъ, общество, наука и литература теряли въ Кронебергѣ такую силу, которая могла сдѣлать честь любому. Какое значеніе имѣлъ Кронебергъ для университета какъ ректоръ, объ этомъ говорится въ трудѣ Д. И. Багалѣя. Какъ лекторъ, Кронебергъ пользовался большимъ уваженіемъ у слушателей; онъ въ теченіе своей службы въ Харьковскомъ университетѣ объяснялъ Цицерона, Горація, Саллюстія, Тацита, читалъ курсы греческихъ древностей, энциклопедіи филологіи. Какъ пособіе при чтеніяхъ, имъ были изданы отдѣльные сочиненія Горація (*Epistola ad Augustum*), Саллюстія, Тацита *Annalium Liber I*, Цицерона *Pro lege Manilia*. По древностямъ составлено было руководство (*Antiquitates Romanae*), въ которомъ давались краткія свѣдѣнія изъ топографіи Рима, съ описаніемъ памятниковъ, объ устройствѣ управления, судебной части, по міѳологіи, богослужебнымъ древностямъ, военному дѣлу и т. п. Имъ же была издана латинская грамматика и латино-рус. лексиконъ, выдержавшій 6 изданій (послѣднее въ 1876 г.; см. рѣзкую рецензію въ Ж. М. Н. П. 1871 г., ч. 154, стр. 59 сл.: въ это время появился словарь П. М. Леонтьева). Къ работамъ специальнымъ относятся многія статьи въ сборникахъ, издававшихся имъ: Очерки географіи *Orbis Romanus* (въ 1-ой ч. Амалтеи), древней Греціи (во 2-й ч. того же сборника), древней Азіи (3-я ч. Минервы), которые являются конспектами одного изъ большихъ руководствъ древней географіи; такова статья «Древній Кароагентъ» (Ж. М. Н. П., ч. XIV, стр. 317—338), краткій очеркъ географіи, устройства, управления и исторіи Кароагена, повидимому, также не самостоятельный (источникъ не указанъ), «О сообщеніи путей у древнихъ Римлянъ» (ib., ч. XI, стр. 1—20), краткій очеркъ устройства дорогъ у римлянъ, составленный по сочиненію Бержье (*Bergierius*) *Histoire des grands chemins de l'empire Romain*. Замѣчательнъ эстетическій комментарий къ нѣкоторымъ одамъ Горація (I, 1; II, 16, 14, 18; III, 29, 24); самостоятельно написана статья «О переселеніи твореній искусства изъ завоеванныхъ земель въ Римъ», являющаяся продолженіемъ переводной статьи Фр. Якобса «О изобиліи произведеній пластическаго искусства у Грековъ и о причинахъ онаго» (Минерва, ч. 1). Переводъ изложенія Иліады, сдѣланнаго Гете, помѣщенъ въ I и II частяхъ Амалтеи. Болѣе широкое значеніе имѣютъ статьи, относящіяся къ нѣмецкой литературѣ, напр. Рыцарская поэзія германцевъ (Минерва, ч. 2), Гете (тамъ же), Бюргеръ; особенно интересовалъ его Шекспиръ; кромѣ краткихъ замѣчаній по поводу историческихъ его пьесъ и «Сна въ лѣтнюю ночь», въ его сборникахъ находится подробный эстетическій разборъ (къ сожалѣнію, неоконченный) Макбета. Вообще, вопросы эстетики занимали Кронеберга; имъ написаны двѣ статьи: «Исто-

рический взгляд на эстетику», и «Материалы для истории эстетики»; вторая, являясь как бы развитием и дополнением первой, излагает сущность эстетических теорий главным образом немецких теоретиков, тогда как в первой представлен краткий исторический очерк от Аристотеля, при чем обращено внимание и на французских теоретиков. В «Маргиналиях и выписках» Кронебергъ даетъ иногда очень подробный пересказъ немецкихъ книгъ (напр., в 3 части Минервы, стр. 87—116, изложение книги Фикера, *Anleitung zum Studium der Griech. u. Römische-Klassiker*, которое могло служить конспектомъ для лекцій его по энциклопедии филологии, или тамъ-же, стр. 116—144, конспектъ книги Беттигера *Andeutungen zu 24 Vorträgen über die Archäologie*, или тамъ же, стр. 149—208, еще болѣе подробное изложение географіи, археологии и внутренняго устройства древняго Египта). Не всѣ статьи оригинальны, не всѣ имѣютъ одинаковое значеніе, но всѣ онѣ направлены къ одной цѣли—знакомить не только слушателей, но и широкую публику отчасти съ новѣйшими и лучшими книгами по классической филологіи, отчасти съ тѣми сторонами избранной имъ специальности, которыя могли интересовать образованное общество. Нѣкоторыя статьи, напр., относящіяся къ географіи древняго міра, и до настоящаго времени являются единственными въ этомъ родѣ на русскомъ языкѣ; въ области эстетики Кронебергъ являлся замѣтною фигурой среди современниковъ: кромѣ Галича, въ то время не было другого теоретика искусства; однако ученики Галича, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ напр. Никитенко, хотя и обладали художественнымъ вкусомъ, не могли, разумеется, сравниться съ Кронебергомъ по подготовкѣ. Мы видимъ, слѣдовательно, что Кронебергъ былъ не только отличный специалистъ, но и широко, философски образованный человѣкъ, научная дѣятельность котораго была бы замѣтной даже и не въ его время, и трудно понять, почему, напр., Костомаровъ (*Литерат. наслѣдіе*, стр. 20) называетъ Кронеберга «талантливымъ, но лѣнивымъ». Лекціи привлекали много слушателей, а когда одинъ разъ ему пришло въ голову прочесть рядъ лекцій о корифеяхъ немецкой литературы (Шиллеръ, Гете, Жанъ Полъ) и Шекспиръ, то, по свидѣтельству современника (г. Н., воспоминанія котораго напечатаны въ «Южномъ Краѣ» за 1883 г.; я цитирую по «Опыту» Д. И. Багалъя), аудиторія не могла вмѣстить всѣхъ желавшихъ послушать Кронеберга: тутъ были студенты разныхъ факультетовъ и даже постороннія лица. По отзыву того же Н., «не только студенты, но также профессора и другіе сослуживцы относились къ нему съ особеннымъ уваженіемъ». Однако А. П. Рославскій-Петровскій («Русскіе университеты и Универ. вопросъ г. Пирогова», стр. 41) говоритъ: «Покойный профессоръ и ректоръ И. Я. Кронебергъ никогда не былъ грубъ со

своими слушателями, но держалъ себя отъ нихъ на такой почтительной дистанціи, что ни я, ни мои товарищи не рѣшались прибѣгать къ нему за совѣтами и указаніями». И это, повидимому, такъ и было, ибо не только школы своей, но даже преемника изъ числа своихъ слушателей не оставилъ Кронебергъ, и кафедру его занялъ печальной памяти С. С. Лукьяновичъ.

Печатные труды Кронеберга. 1) Латино-россійскій лексиконъ. 2 ч. М. 1819—1820. 2) *Oratio censuram ingenii et morum A. Persii Flacci continens* (Рѣчи, произнес. въ торж. собраніи Имп. Харьковскаго университета 30 авг. 1819 г., стр. 1—17). 3) Латинская грамматика. Харьковъ 1820 г., 2-е изд. 1830 г. 4) *Antiquitates Romanae. In usum praelectionum suarum adumbravit Ioh. Chr. Croneberg P. P. E.* Charcoviae 1821, 2-е изд. 1830. 5) *Q. Horatii Flacci Epistola ad Augustum. Commentario perpetuo illustr.* Ioh. Chr. Croneberg. P. P. O. Charc. 1823. 6) *Taciti Annalium liber I*, ed. Ioh. Croneberg. 1823. (Этого изданія я не видѣлъ). 7) *Sallustii Opera.* Ed. Croneberg. (Тоже). 8) *Ciceronis oratio pro lege Manilia.* Ed. Croneberg. Charc. 1834 г. 9) О перенесеніи твореній искусства изъ завоеванныхъ земель въ Римъ (Украин. Журн. 1825 г., ч. VIII, 289—323). 10) О латинскомъ языкѣ. Отрывокъ изъ рукописи И(вана) К(ронеберга). (ib. ч. VIII, стр. 323—342). 11) Амалтея или собраніе сочиненій и переводовъ, относящихся къ изящнымъ искусствамъ и древней классич. славесности, трудами И. Кронеберга. Часть I, Харьковъ 1825, ч. II, Харьк. 1826. 12) Брошюрки, издаваемыя И. Кронебергомъ. № 1—X. Харьковъ 1830, 1831, 1832, 1833. 13) Минерва, Ивана Кронеберга. Ч. 1—4. Харьковъ 1835. Изданіе это представляетъ собою собраніе статей Кронеберга, заключающихся въ Амалтеѣ и Брошюркахъ. 14) О изученіи словесности (Журн. Мин. Нар. Пр., 1835 г., ч. VIII, стр. 253—289). 15) О путяхъ сообщенія у древнихъ римлянъ (Ж. М. Н. П. 1836 г., ч. XI, стр. 1—20). 16) Древній Кароагенъ (Ж. М. Н. П. 1837 г., ч. XIV, стр. 317—338). 17) Письма (Москов. Наблюд. 1838 г., №№ 5 и 9). 18) Характеристика древнихъ Грековъ и Римлянъ (Москов. Набл. 1838 г., № 10). 19) Маргиналіи и выписки. Астѣ. Гейнротъ. (Москов. Набл. 1838 г., № 11). 20) Антикритика на разборъ Бѣлинскаго „Гамлета“ въ пер. Полевого (Москов. Набл. 1838 г., № 13). Послѣ смерти напечатана была статья 21) О ходѣ искусства у древнихъ народовъ и объ истребленіи и сохраненіи памятниковъ древняго искусства (Отеч. Зап. 1844 г., т. 33, отд. II, стр. 109—124).

М. А. Масловъ.

Мауреръ Эрнестъ Карловичъ родился въ 1780 г. въ Саксоніи, университетскій курсъ проходилъ въ Лейпцигѣ и Виттенбергѣ, гдѣ и получилъ степень доктора философіи и магистра изящныхъ искусствъ. Послѣ этого онъ слушалъ лекціи въ учительской семинаріи въ Берлинѣ и получилъ назначеніе въ директоры тамошней гимназіи, но по домашнимъ обстоятельствамъ не принялъ этой должности. Имѣя нѣкоторыя связи въ Россіи, Мауреръ, хотя у него ученыхъ трудовъ и не было, въ силу представленія попечителя А. А. Перовскаго, который основы-

вался на ходатайствѣ академиковъ Шторха и Греффе и управляющаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ графа Нессельроде, школьнаго товарища кандидата, былъ назначенъ министромъ народного просвѣщенія сразу на должность ординарнаго профессора Харьковскаго университета 8 марта 1828 года. По прїѣздѣ въ Россію онъ находилъ недостаточнымъ получаемое имъ содержаніе и просилъ попечителя дать ему въ университетѣ дополнительную должность или другую каѳедру или завѣдываніе учительской семинаріей или управленіе библіотекой или изслѣдованіе школъ въ округѣ; «если», добавлялъ онъ, «теперь этого нельзя, то имѣть въ виду въ будущемъ», а онъ съ своей стороны увѣряетъ, что заслужитъ эту прибавку. Но, кажется, это желаніе не было исполнено. Служебная дѣятельность Маурера продолжалась всего только до 5 марта 1837 года, когда онъ былъ уволенъ отъ службы при университетѣ по случаю преобразования его по уставу 1835 года.

Въ бытность свою профессоромъ Мауреръ читалъ греческую грамматику, педагогію и комментировалъ Анабасисъ Ксенофонта, Плутарха, Гомера Одиссею и Теокрита. По опредѣленію совѣта университета отъ 20 іюня 1834 года, онъ состоялъ членомъ испытательнаго комитета для поступающихъ въ студенты, а съ 1834 г. онъ же былъ назначенъ хранителемъ нумизматическаго кабинета. Съ 21 февраля 1835 года по 3 октября того же года Мауреру за особое вознагражденіе было поручено преподаваніе нѣмецкаго языка.

Какъ преподаватель, Мауреръ «при всемъ замѣчательномъ и даже трогательномъ усердіи», какъ выражается въ своихъ воспоминаніяхъ нѣкто И. Б., былъ мало полезенъ студентамъ, такъ какъ онъ ни слова не зналъ по-русски, а студенты—по нѣмецки; одного же латинскаго языка для взаимнаго пониманія той и другой стороны, очевидно, было недостаточно. Того же мнѣнія о преподаваніи Маурера держится и Н. И. Костомаровъ, по словамъ котораго, онъ, хотя и зналъ свой предметъ въ совершенствѣ, но плохо владѣлъ русскимъ языкомъ и не отличался даромъ изложенія на какомъ бы то ни было языкѣ. Вотъ какъ описываетъ Маурера бывший его слушатель Д. П. Хрущовъ: «греческій языкъ преподавалъ намъ нѣмецъ, профессоръ Мауреръ, въ рыжемъ парикѣ и съ носомъ, разбитымъ параличемъ, вслѣдствіе чего онъ говорилъ въ носъ. На каѳедру онъ тоже не садился, а занимался съ нами переводами, стоя надъ нами у нашихъ пульпитровъ, толкая пальцами въ пульпитры и дрыгая ногами, какъ индѣйскій пѣтухъ на раскаленной плитѣ, при чемъ отъ спряженія глаголовъ приходилъ въ настоящий азартъ. При этомъ онъ былъ такъ смѣшонъ, что покойный мой братъ разъ не выдержалъ и разсмѣялся. Мауреръ взбѣсился и страшно завопилъ въ носъ: «Quid rides? Non amo ridentes: exeas, si ridere vis!».

Начальство знало о томъ, что Мауреръ мало годится для исполненія своихъ обязанностей, и это послужило поводомъ къ увольненію его въ отставку.

Помимо преподаванія въ университетъ и составленія двухъ актовыхъ рѣчей, Мауреръ издалъ одно изъ сочиненій Лукіана и выпустилъ въ свѣтъ, повидимому, по порученію попечителя округа, таблицы по латинскому и греческому языку, предназначенныя для «гимназій, пансіоновъ и другихъ училищъ Харьковскаго учебнаго округа». Какъ ученый, Мауреръ былъ практикъ: онъ зналъ то, чему его научили въ Германіи, но къ самостоятельной научной работѣ, какъ кажется, не былъ способенъ, что доказывается сохранившимися трудами. Даже при составленіи своихъ таблицъ онъ не могъ отрѣшиться отъ «стариннаго порядка», какъ говорить академикъ Грефе, одинъ изъ числа тѣхъ, которые его рекомендовали А. А. Перовскому, и верѣдко ошибается въ сличеніяхъ латинскихъ и греческихъ формъ между собою.

Сочиненія: De studiis humaniorum sensum veri et pulchri exultantibus atque excolentibus, Charcoviae, 1828 (актовая рѣчь). De pronunciatione linguae graecae diversa, Charcoviae, 1830 (актовая рѣчь). Luciani libellus de somnio sive vita Luciani ad scholarum usum.

Я. А. Денисовъ.

Сокальскій Петръ Ивановичъ родился въ 1794 году и по своему происхожденію принадлежалъ къ духовному званію. Уволившись изъ него, онъ поступилъ въ 1815 году въ своекоштные студенты Харьковскаго университета. Въ 1819 году, по окончаніи здѣсь курса со степенью кандидата, онъ былъ оставленъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію. Но въ 1820 году аттестатъ объ окончаніи курса въ виду нѣкоторыхъ неправильностей, допущенныхъ совѣтомъ при выдачѣ его, по распоряженію высшаго начальства былъ отобранъ у П. И. Сокальскаго на ряду съ нѣсколькими другими его товарищами. Въ концѣ-концовъ, онъ опять былъ произведенъ въ кандидаты, вѣроятно, по выдержаніи особаго экзамена для этого. Въ 1822 году молодому ученому поручено было преподаваніе латинскаго языка въ Слободско-Украинской гимназіи, но безъ жалованья. А затѣмъ, въ слѣдующемъ году, онъ получилъ назначеніе состоять преподавателемъ латинскаго языка на первомъ курсѣ словеснаго факультета. Въ 1825 году П. И. Сокальскій былъ уже формально избранъ совѣтомъ университета на должность преподавателя латинскаго языка. Въ виду же того, что въ концѣ этого года вновь избранный ректоръ Кронебергъ уѣзжалъ на нѣкоторое время въ Петербургъ по

дѣламъ службы, П. И. Сокальскому было поручено съ 21 ноября читать лекціи латинскаго языка его слушателямъ и при томъ по запискамъ этого послѣдняго. Въ слѣдующемъ году П. И. Сокальскій, по ходатайству попечителя А. А. Перовскаго, былъ утвержденъ адъюнктомъ по латинской словесности. Цѣня преподавательскую дѣятельность молодого ученаго, совѣтъ въ 1832 году ходатайствовалъ о возведеніи его въ званіе экстраординарнаго профессора, но получилъ отказъ по неимѣнію вакансіи. Однако, 1834 годъ застаеъ П. И. Сокальскаго уже получившимъ это званіе. Незадолго до 1839 г. нашему ученому поручено было преподаваніе политической экономіи и статистики. Желая ограничиться чтеніемъ лекцій исключительно по этимъ двумъ предметамъ, онъ представилъ въ совѣтъ университета разсужденіе: «Что составляетъ главный фондъ народнаго богатства?» написанное для соисканія степени доктора. Сочиненіе это было разсмотрѣно по порученію совѣта первымъ отдѣленіемъ философскаго факультета и членами юридическаго факультета и въ концѣ бурнаго двухдневнаго засѣданія было признано неудовлетворительнымъ. П. И. Сокальскій остался недоволенъ этимъ рѣшеніемъ и жаловался въ совѣтъ на неправильности, допущенныя будто бы при сборѣ голосовъ на соединенномъ засѣданіи двухъ факультетовъ, но безуспѣшно. Повидимому, одновременно съ представленіемъ диссертациі возбуждено было дѣло о назначеніи новаго преподавателя политической экономіи и статистики исправляющимъ должность ординарнаго профессора по этой кафедрѣ и 28 декабря 1839 г. было рѣшено министромъ народнаго просвѣщенія въ благопріятномъ смыслѣ. А 5 іюня 1841 года по представленію попечителя П. И. Сокальскій былъ оставленъ исключительно при преподаваніи одной только политической экономіи. Но такъ какъ утвержденіе П. И. Сокальскаго въ званіи ординарнаго профессора было обусловлено пріобрѣтеніемъ имъ степени доктора, то въ 1846 г. послѣдовалъ запросъ со стороны попечителя округа, почему это условіе не было до сихъ поръ выполнено. Объясненія П. И. Сокальскаго по этому поводу признаны были не довольно основательными, и въ концѣ концовъ онъ въ 1849 г. былъ уволенъ отъ должности.

Кромѣ несенія своихъ прямыхъ преподавательскихъ обязанностей, П. И. Сокальскій, по крайней мѣрѣ, въ теченіе двухъ двухлѣтій, исполнялъ должность секретаря словеснаго факультета, повидимому, начиная съ 1833 года. Затѣмъ, онъ же въ 1834 году временно завѣдывалъ дѣлами канцеляріи Харьковскаго учебнаго округа и приводилъ ихъ въ порядокъ, за что получилъ благодарность отъ попечителя графа Ю. А. Головкина. Подобное же порученіе онъ исполнялъ и въ 1838 году, когда по болѣзни правителя канцеляріи попечителя округа исполнялъ его обязанности. Состоялъ ли онъ членомъ училищнаго комитета, изъ сохранившихся дѣлъ

о немъ не видно, но надо думать, что этотъ вопросъ рѣшается въ утвердительномъ смыслѣ, такъ какъ изъ одной бумажки обнаруживается, что онъ отказался отъ должности секретаря въ этомъ комитетѣ по недостатку навыка и обширности дѣлъ въ немъ.

Въ теченіе своей преподавательской дѣятельности въ составѣ профессоровъ словеснаго факультета П. И. Сокальскій занимался со студентами переводами съ латинскаго языка на русскій и обратно, объяснялъ болѣе легкихъ латинскихъ писателей: басни Федра, нѣкоторыя сочиненія Цицерона, Энеиду Вергилія, читалъ исторію римской словености по руководству Филеброна и римскія древности на латинскомъ языкѣ по конспекту ректора И. Я. Кронеберга. Онъ же предложилъ своимъ слушателямъ слѣдующія темы для сочиненій: 1) *Saepe fallit imago*, 2) *Fortuna paratur moribus*, 3) *Honos alit artes*, 4) *Obedientia felicitatis mater*, 5) *De praecipuis causis interitus imperii Romani*, 6) *Alexander Macedonum an Julius Caesar dignior est nomine magni?*

Студенты, судя по воспоминаніямъ бывшихъ слушателей П. И. Сокальскаго, охотно посѣщали его лекціи въ бытность его преподавателемъ словеснаго факультета и признавали ихъ для себя полезными. Повидимому, онъ былъ отличный лекторъ и умѣлъ внушить такой интересъ къ своему предмету, что студенты, не ограничиваясь слушаніемъ его лекцій въ университетѣ, и дома почитывали латинскихъ классиковъ.

Я. А. Денисовъ.

Валицкій Альфонсъ Осиповичъ (1835—1858) родился 19 октября 1808 года (такую дату даетъ племянникъ его Ал. Валицкій въ журналѣ *Świat* 1889 г., стр. 66; по формулярному списку годъ рожденія — 1806), въ имѣніи Сухой-Боръ Завилейскаго уѣзда Виленской губерніи; у отца его Юсіфа Валицкаго и матери Урсулы было 10 человѣкъ дѣтей. Первоначальное и среднее образованіе получилъ въ Вильнѣ, учился на стипендіи имени Валицкихъ. По окончаніи курса поступилъ въ учительскій институтъ при Виленскомъ университетѣ; штудировалъ греческую и римскую словесность и былъ любимцемъ извѣстнаго проф. Гроддека. По окончаніи курса со степенью кандидата, 23 августа 1826 г., получилъ мѣсто учителя въ дворянскомъ повѣтовомъ училищѣ г. Мозыря, но 1 ноября того же года возвращенъ въ Вильню «къ своему назначенію» для продолженія занятій въ университетѣ. 23 мая 1828 года посланъ былъ въ Петербургъ, съ 18 по 22 іюня съ успѣхомъ выдержалъ предварительное испытаніе при Академіи наукъ, а въ началѣ іюля, вмѣстѣ съ 15-тью товарищами, посланъ

былъ въ Дерптѣ въ число слушателей профессорскаго института. Здѣсь онъ пробылъ около 5 лѣтъ; въ концѣ 1832 года всѣмъ воспитанникамъ произведены были «строгія испытанія», въ результатѣ которыхъ Валицкій былъ допущенъ прямо къ соисканію степени доктора философіи, помимо магистерской (Пѣтуховъ, 495). Въ томъ же году онъ напечаталъ диссертацию—*De Cornelio Nepote. Dorpati Livonorum* 1832 (стр. VIII+56). Диссертация эта, написанная прекраснымъ латинскимъ языкомъ, представляетъ монографію о Корнеліи Непотѣ; судя по введенію, Валицкій готовилъ другую работу (*jam pridem operam meam in vitam Thebanorum summi illius Epaminondae enarrandam conferebam*), но какія-то причины, о которыхъ онъ говоритъ глухо (*extemplo inopinatis quibusdam rationibus intercedentibus*), заставили его оставить эту тему и обратиться къ другой. Въ 1—3 главахъ Валицкій устанавливаетъ время жизни Непота, приводитъ біографическія данныя о немъ и, наконецъ, дѣлаетъ попытку возстановить содержаніе и послѣдовательность отдѣльныхъ частей главнаго сочиненія Непота *De viris illustribus*. 4-я глава трактуетъ о языкѣ Непота, въ 5-й приводится перечень другихъ его трудовъ. Главною цѣлью своей работы Валицкій поставилъ доказать, вопреки появившимся въ то время новымъ работамъ (Ранка и Ринка), что Непотъ жилъ и писалъ въ 1-мъ до-христіанскомъ вѣкѣ. Доказательства онъ беретъ изъ собственныхъ замѣчаній Непота, изъ свидѣтельствъ другихъ писателей, изъ свойствъ его стиля и языка и проч. Разумѣется, что нѣкоторыя детали работы, напр., догадки о содержаніи утерянныхъ частей *De viris illustribus*, въ настоящее время устарѣли, но основная мысль Валицкаго и его соображенія не опровергнуты и до сихъ поръ. Очень интересны и доказываютъ широту взглядовъ Валицкаго приложенныя къ диссертации положенія, въ числѣ которыхъ есть, напр., такое, что ошибочно поступаютъ современные авторы, издающіе свои сочиненія на латинскомъ языкѣ; что не одинъ Цицеронъ можетъ служить образцомъ латинскаго слога, а также Саллюстій, Тацитъ, даже Плавтъ и Теренцій.

По защитѣ диссертации 13-го марта 1833 года былъ утвержденъ въ степени доктора философіи, а 3 мая того же года по Высочайшему повелѣнію командированъ въ Берлинъ для усовершенствованія въ наукахъ, гдѣ пробылъ 2 года. Въ Берлинѣ онъ интересовался не только своею спеціальностью. Его племянникъ Александръ Валицкій въ своихъ воспоминаніяхъ о дядѣ (*Świat* 1889 г., стр. 68) говоритъ о громадномъ впечатлѣніи, которое произвелъ «Панъ Тадеушъ» Мицкевича, привезенный на Литву Валицкимъ. За границей Валицкій пробылъ 2 года и, по возвращеніи отсюда, 7 августа 1835 года назначенъ преподавателемъ греческой литературы и древностей въ Харьковскомъ университетѣ, съ

которымъ не разставался до самой смерти. 8-го мая 1837 года утвержденъ былъ ординарнымъ профессоромъ, а 1 сентября 1838 года ему объявлена попечителемъ учебнаго округа искренняя признательность за отличное усердіе по службѣ. Послѣ смерти Кронеберга и до назначенія Лукьяновича (съ 10 декабря 1838 года по 20 февраля 1839 года) Валицкому поручено было преподаваніе латинской словесности безъ вознагражденія. Съ 14-го іюня по 6-е іюля 1839 года исправлялъ должность декана I отдѣленія философскаго факультета, 9-го декабря 1841 года утвержденъ деканомъ отдѣленія и должность эту несъ до 1-го декабря 1845 года. Отъ 7-го по 25-е мая 1842 года, за отъѣздомъ въ командировку Гулака-Артемовскаго, исполнялъ обязанности ректора. Въ 1839—1840, 1843—1847 и съ 1849 года до смерти состоялъ членомъ испытательнаго комитета для приѣма молодыхъ людей въ студенты университета; до 7-го ноября 1846 года состоялъ членомъ комитета для испытанія лицъ, ищущихъ званія домашнихъ учителей и учительницъ. Предложеніемъ попечителя округа отъ 23 ноября 1837 года назначенъ былъ, на основаніи ст. 156 Общ. уст. Имп. Росс. универ., въ числѣ другихъ профессоровъ (Лунинь, Якимовъ и Дьяченко) преподавателемъ Педагогическаго института при Харьковскомъ университетѣ по предмету древней классической словесности, при чемъ ему поручено было также преподаваніе педагогики и дидактики, съ дополнительнымъ вознагражденіемъ въ размѣрѣ 400 рублей въ годъ. 14-го августа 1841 года правленіе университета избрало Валицкаго депутатомъ отъ университета въ городскую думу для оцѣнки вновь выстроенныхъ домовъ, но уже въ февралѣ 1842 года Валицкій донесъ рапортомъ правленію, что «при теперешнемъ увеличеніи занятій по причинѣ возложенной на него должности декана» онъ не можетъ исполнять обязанностей депутата. На его мѣсто избранъ былъ Сливичкій.

Съ 14 мая 1836 года по 26 апрѣля 1849 года заведывалъ университетскимъ минцъ-кабинетомъ. Нумизматикой, повидимому, Валицкій интересовался. Онъ заботился о пополненіи минцъ-кабинета; такъ, въ сентябрѣ 1839 года по рапорту Валицкаго приобрѣтена была за 219 руб. (считая за 13½ золотыхъ червоннаго золота 159 руб. и 60 руб. «за цѣнность историческую») польская медаль Владислава IV, а 10 сентября 1845 года подалъ въ совѣтъ рапортъ, въ которомъ указывалъ на то, что, заведывая съ 1836 года минцъ-кабинетомъ и приводя его по мѣрѣ возможности въ порядокъ, онъ готовится въ скоромъ времени начать изданіе ученаго каталога монетъ и медалей. «И долгъ профессора», писалъ Валицкій, «и собственное мое убѣжденіе возлагаютъ на меня нравственную необходимость стараться, чтобы таковое описаніе кабинета не уронило чести университета и соотвѣтствовало настоящему состоянію науки нумиз-

матики. Между нашими монетами находятся нѣкоторыя, донинѣ еще неиздаваемыя (sic), и которыхъ опредѣленіе, будучи сопряжено съ большими трудностями, требовало бы совѣщанія съ другими учеными, испытанными въ этомъ дѣлѣ». Для этого, а также съ цѣлью устроить обмѣнъ дублетами, Валицкій просилъ совѣтъ исходатайствовать ему командировку съ цѣлью осмотра лучшихъ милицъ-кабинетовъ въ Россіи—Петербургскаго, Дерптскаго и Кіевскаго. Сверхъ того, заканчиваетъ Валицкій, «я бы охотно принялъ на себя выполнить порученіе совѣта, ежели бы угодно совѣту поручить въ С.-Петербургской академіи художествъ употребить стараніе касательно способовъ обогащенія нашего кабинета изящныхъ искусствъ, который донинѣ находится еще въ совершенномъ младенчествѣ». Совѣтъ университета 15 октября, «въ уваженіе вышеизложенныхъ профес. Валицкимъ обстоятельствъ», постановилъ ходатайствовать у помощника попечителя князя Цертелева о командированіи Валицкаго съ 1 октября 1845 года по 1 февраля 1846 года съ выдачей прогонныхъ, суточныхъ и квартирныхъ изъ государственнаго казначейства. Князь Цертелевъ отвѣтилъ требованіемъ «доставить ему опись сихъ монетъ и медалей, съ означеніемъ имѣющихся дублетовъ и тѣхъ монетъ, въ опредѣленіи которыхъ г. Валицкій затрудняется». Очевидно, помощникъ попечителя хотѣлъ самъ удостовѣриться, дѣйствительно ли такое опредѣленіе можетъ представлять непреодолимыя трудности. Валицкій извѣстилъ, что «именно для составленія такой полной ученой описи» онъ и проситъ о командировкѣ. Какъ бы то ни было, командировка Валицкаго состоялась только 6 января 1847 года.

Въ теченіе своей 25-ти лѣтней дѣятельности Валицкій читалъ *греческія древности* (по Германну или по собственнымъ запискамъ), *исторію греческой литературы* до 1848-49 г. по *Гроддеку*, а съ этого времени по собственнымъ запискамъ, и только въ 1850-51 г. по таблицамъ *Пассова*; для слушателей педагогическаго института—энциклопедію филологіи, метрику (по Германну—*Epitome doctrinae metricae*). Главнымъ же образомъ онъ объяснялъ греческихъ авторовъ. Изъ *поэтовъ* мы встрѣчаемъ *Гомера* (*Иліада* и *Одиссея* для начинающихъ), *Эсхила* (*Эвмениды*, *Прометей*), *Софокла* (*Антигона*), *Эврипида* (*Медея*, *Ипполитъ*, *Финиссы*), *Аристофана* (*Плутосъ*), *Пиндара*, *Теокрита*, изъ *прозаиковъ*—*Демосвена* (противъ *Лептина*, о вѣнцѣ, противъ *Мидіи*, *Филиппики*, *Олинескія рѣчи*), *Эсхила* (о вѣнцѣ и противъ *Ктесифонта*), *Фукидида*. Въ педагогическомъ институтѣ онъ читалъ *педагогiku* по *Нимейеру*.

Въ этомъ перечнѣ обращаетъ на себя вниманіе прежде всего большой и широкій выборъ авторовъ для объясненія, характеризующій литературные вкусы Валицкаго. Главное мѣсто отведено поэтамъ. Кромѣ Гомера, имѣются всѣ три трагика и Аристофанъ (почему онъ выбралъ

именно Плутосъ, одну изъ самыхъ позднихъ пьесъ Аристофана, имѣвшую слабое отношеніе къ политикѣ,—остается неизвѣстнымъ), Пиндаръ и Теокрытъ, изъ прозаиковъ—ораторъ «Божьей милостью» Демосѣенъ и его противникъ Эхинъ и лучший историкъ древности—Фукидидъ. Объясненіемъ такого пристрастія Валицкаго къ поэтамъ служить то, что и самъ онъ былъ поэтъ. Объ этомъ говорить намъ Де-Пуле (В. Е. 1874 г., № 1, стр. 95), объ этомъ говорятъ дошедшіе до насъ переводы Фауста и Эдипа Царя. Въ этомъ отношеніи образцомъ для него былъ Моргенштернъ, дерптскій профессоръ, у котораго слушалъ онъ лекціи и который также писалъ стихи. Что касается древностей и литературы греческой, то при ихъ изложеніи Валицкій сначала придерживался нѣкоторыхъ руководствъ, напр. Гроддека и Германна, а потомъ выработалъ собственные курсы. Гроддекъ (G. E. Groddeck) былъ профессоромъ въ Вильнѣ, когда тамъ учился Валицкій; нѣмецъ по происхожденію, извѣстный филологъ, ученый и даровитый человѣкъ, онъ имѣлъ большое вліяніе на своихъ слушателей, въ числѣ которыхъ былъ Адамъ Мицкевичъ. Въ нашей университетской библіотекѣ хранится экземпляръ его *Historiae Graecorum litterariae elementa*, Vilnae 1811, со штемпелемъ Виленскаго университета,—повидимому, переданный въ 1835 году изъ закрытаго Виленскаго университета. Изложеніе сухое, характеристики писателей общія; книга предназначена для штудирования, а не для чтенія, и не удивительно, что Валицкій пересталъ придерживаться ея, какъ только выработалъ собственный курсъ. О книгѣ Германна по греческимъ древностямъ я говорить не буду, такъ какъ ея достоинства извѣстны всѣмъ. Въ Педагогическомъ Институтѣ онъ читалъ педагогику (иногда, какъ въ 1849-50 году,—«съ прибавленіемъ историческаго обзора этой науки») по *Нимейеру*; въ его бумагахъ, по словамъ Александра Валицкаго (l. c.), осталась рукопись въ 30 листовъ (конспектъ курса?) по-польски «O wychowaniu dzieci». Хотя Валицкій не былъ специалистомъ въ этой наукѣ, однако, руководство выбрано было имъ прекрасное. Двухтомное сочиненіе Нимейера (въ 3 томѣ собраны примѣчанія) въ свое время (въ 20—30-хъ годахъ) была однимъ изъ лучшихъ руководствъ по педагогикѣ; написанное прекраснымъ языкомъ (что въ то время у нѣмцевъ было рѣдкостью), оно давало все, что нужно было для основательнаго знакомства съ предметомъ. Судя по собственноручно написанному Валицкимъ перечню его сочиненій (сдѣланному въ 1858 г. по требованію попечителя округа; отсюда, повидимому, взятъ списокъ его трудовъ для некролога въ Отчетѣ Харьковскаго университета за 1858—1859 г.), у него были составлены (на латинскомъ языкѣ) курсы энциклопедіи филологіи, исторіи греческой литературы и греческихъ древностей; по словамъ Александра Валицкаго, по-латыни составлены были только исторія греческой литературы и

греческія древности, курсъ же энциклопедіи философіи написанъ былъ польски. Александръ же Валицкій упоминаетъ о намѣреніи (или даже приступѣ? «Pisał po polsku» etc.) составить большой курсъ исторіи греческой литературы на польскомъ языкѣ; трудъ этотъ долженъ былъ быть объемомъ въ 12 томовъ; для составленія отдѣла греческой философіи велись письменные переговоры съ Авг. Цѣшковскимъ, но неизвѣстно, насколько дѣло подвинулось, такъ какъ рукопись, по словамъ того же Александра Валицкаго, затерялась.

4 марта 1858 года въ совѣтѣ произведена была баллотировка для оставленія Валицкаго еще на 5-лѣтіе по выслугѣ 25 лѣтъ, и онъ былъ избранъ 16 голосами противъ 9; чѣмъ объясняется такая довольно сильная оппозиція, сказать не могу. 13 октября 1858 года ректоръ А. П. Рославскій-Петровскій увѣдомилъ попечителя округа и профессоровъ, что 12 октября волею Божіею скончался профессоръ Валицкій, и что выносъ тѣла его имѣетъ быть 13 числа, въ 4 ч. пополудни, а погребеніе 14 числа, въ 10 ч. утра. На повѣсткѣ этой профессоръ Н. Борисякъ приписалъ: «Осмѣливаюсь выразить мою мысль, что по случаю смерти столь достойнаго профессора. какъ г. Валицкій, экстраординарный совѣтъ долженъ бы быть созданъ для обсужденія церемоніала погребенія». Съ мнѣніемъ Борисяка согласились Чернай и еще одинъ профессоръ, зачеркнувшій потомъ свою фамилію. Но экстраординарный совѣтъ, вѣроятно, созданъ не былъ, и Валицкій былъ похороненъ безъ особаго церемоніала.

Росту Валицкій былъ, повидимому, ниже средняго (Де-Пуле и Александръ Валицкій говорятъ даже о низкомъ, но одинъ изъ старыхъ студентовъ говорилъ мнѣ, что Валицкій былъ обыкновеннаго роста), красивъ собою, обладалъ пріятнымъ и звучнымъ голосомъ, и большою физическою силою (товарищи по Дерпту звали его «быкомъ»), на студентовъ имѣлъ громадное вліяніе. Извѣстны отзывы о немъ Де-Пуле. Кое-что въ этихъ отзывахъ подлежитъ смягченію и исправленію. Такъ, напримѣръ, вопреки словамъ Де-Пуле, письменнымъ русскимъ языкомъ Валицкій владѣлъ хорошо и писалъ правильно, если не считать такихъ полонизмовъ, какъ «имѣвалъ», или такихъ выраженій, какъ «такъ короткое время, я готовюсь», «находятся нѣкоторыя донинѣ неиздаваемыя», «замѣна съ ними», вмѣсто «обмѣнъ», — но, повторяю, все это рѣдкіе промахи, и больше ихъ нѣтъ, не смотря на то, что ему приходилось писать большія по объему бумаги¹⁾.

¹⁾ Пользуюсь случаемъ упомянуть съ благодарностью о томъ, съ какою готовностью отзывался на просьбу помочь мнѣ Л. Ю. Шепелевичъ. Достаточно сказать, что указанія на польскую литературу о Валицкомъ всѣ были сдѣланы мнѣ чрезъ Л. Ю. Надѣюсь, что неиспользованный мною біографическій матеріалъ пригодится для болѣе подробной біографіи Валицкаго, которою я занятъ въ настоящее время.

По отзывамъ Де-Пуле (В. Евр. 1874, № 1, стр. 94), Валицкій обладалъ замѣчательнымъ даромъ изложенія. Де-Пуле называетъ его «замѣчательнымъ, прирожденнымъ ораторомъ; лекціи его нерѣдко бывали импровизациями, потрясавшими слушателей». Такой же отзывъ даетъ и Н. И. Костомаровъ (Литер. наслѣдіе, стр. 22): «Я посѣщалъ его (Валицкаго) лекціи и слушалъ ихъ съ большимъ наслажденіемъ. Замѣтимъ, что Валицкій имѣлъ отличный даръ слова и былъ вообще въ изложеніи своего предмета гораздо живѣе Лунина». Пашковъ вовсе не говоритъ о его дарѣ слова. «На 1 курсѣ Валицкій читалъ намъ Аристофана «Лягушки» и «Плутосъ» (Плутосъ Валицкій читалъ въ 1843-44 году, а Лягушекъ, какъ кажется, вовсе не читалъ; здѣсь память, очевидно, измѣнила автору). Читалъ съ обширными объясненіями содержанія, смысла и каждаго слова комедіи. Часто случалось, что объясненіе двухъ-трехъ словъ (sic!) занимало цѣлую лекцію» (газ. «Харьковъ» 1877 г., № 30). Очевидно, мы имѣемъ здѣсь изображеніе двухъ сторонъ Валицкаго, какъ лектора: Пашкова больше всего поражала его эрудиція, Костомарова и Де-Пуле—его даръ слова. Не даромъ онъ выбиралъ для объясненій главнымъ образомъ поэтовъ и ораторовъ, а также лучшаго историка Греціи—Оукидиди. Что касается того впечатлѣнія, которое его ученость производила на Пашкова и его товарищей, то оно могло быть только поверхностнымъ, такъ какъ гимназисты того времени греческаго языка почти не знали.

Что касается научной дѣятельности Валицкаго, то источниками служатъ слѣдующіе списки его трудовъ: 1) сдѣланный собственноручно Валицкимъ въ февралѣ 1857 года по требованію попечителя округа; 2) помѣщенный въ некрологѣ Валицкаго (Отчетъ Харьковского университета за 1858-1859 г.) и основанный на вышеозначенномъ; 3) имѣющійся въ *Encyclopedya Powszechna* (Т. XXXVI, стр. 340), и 4) списокъ его трудовъ, имѣющійся въ воспоминаніяхъ Александра Валицкаго въ журналѣ *Świat* 1889 года. Всѣ эти списки разнятся между собою, и замѣчательно, что нѣкоторыхъ сочиненій, отмѣченныхъ самимъ Валицкимъ, нѣтъ въ біографіяхъ. Напечатано имъ было сравнительно немного; объ этомъ говоритъ и Де-Пуле (l. c., стр. 95 сл.), который (врядъ ли основательно) ставитъ его по эрудиціи и трудолюбію ниже его товарища по профессорскому институту и Берлинскому университету—Лунина. И по количеству, да и по качеству напечатаннаго Валицкій не уступаетъ Лунину. Де-Пуле не зналъ трудовъ Валицкаго потому, что Валицкій писалъ по-польски; уже одинъ переводъ Фауста могъ бы составить трудъ не одного года, а у Валицкаго напечатанъ еще переводъ Эдипа-Царя. О литературной дѣятельности его Де-Пуле зналъ только по слухамъ: «онъ, *говорили*, переводилъ на польскій языкъ *Шекспира* (а въ дѣйствитель-

ности переводъ «Короля Іоанна» принадлежить перу Коженёвскаго и только помѣщенъ въ этомъ изданіи вмѣстѣ съ переводами Валицкаго), но не знаю, появился ли въ печати этотъ переводъ или остался въ бумагахъ профессора» (1. с.).

Напечатаны были слѣдующіе труды Валицкаго: 1) De Cornelio Nepote. Dorpati 1833. 2) Ad celebranda Caesar. Universitatis Charcoviensis solemnia anniversalia orationem *De cyclo epico* conscripsit A. Walicki. Charcoviæ 1839. О сочиненіи этомъ упоминаетъ самъ Валицкій. Полное заглавіе выписано мною изъ Bibl. Estreichera XIX в. Т. V, str. 10; я его не видѣлъ, потому что Акта въ Харьковскомъ университетѣ за 1839 годъ въ университетской библиотекѣ нѣтъ. 3) Въ „*Pamiętnik literacki*“ №№ 16 и 17 за 1842 г. напечатаны были двѣ статьи о поэмѣ Тегнера Фритіофъ съ переводомъ нѣсколькихъ пѣсень въ стихахъ. По словамъ Александра Валицкаго, обѣ статьи напечатаны безъ подписи; это было первое сочиненіе, писанное Валицкимъ по-польски. Самъ его не видѣлъ и ничего сказать не могу. 4) *Arcydziela dramatyczne. Przekłady Józefa Korzeniowskiego i Alfonsa Walickiego* Т. I. Faust. Tragedya Göttego. Tłómaczenie z niemieckiego Alf. Walickiego. Z 26 rycinami na miedzi według Retscha, z przydaniem kilku spiewów kompozyceji Xiazecia Ant. Radziwilla. Wydanie Ad. Zawadzkiego. Wilno. Nakład i druk Józ. Zawadzkiego. 1844.—Т. II. *Król Jan*. Dramat w pięciu aktach W. Szekspira. Przekład Józ. Korzeniowskiego z rycina na stali.—Sofoklesa Edyp Król. Przekład z Greckiego Alf. Walickiego. Wydanie Ad. Zawadzkiego, Wilno. Nakład i druk Józ. Zawadzkiego. 1845. Для оцѣнки этихъ работъ я обратился къ многоуважаемому проф. Л. Ю. Шепелевичу и его отзывъ привожу здѣсь цѣликомъ. „Переводъ „Фауста“ Альфонса Валицкаго (1-ая ч.) сдѣланъ безъ сокращеній, размѣромъ оригинала или близкимъ ему, съ замѣной въ большинствѣ случаевъ мужскихъ римъ женскими. Переводъ сдѣланъ весьма точно, съ глубокимъ знаніемъ языка. Современнаго читателя не удовлетворяютъ нѣкоторые архаическія формы и обороты. Во всякомъ случаѣ, переводу „Фауста“ Валицкаго должно быть отведено одно изъ первыхъ мѣстъ среди польскихъ переводовъ этого произведенія (лучшій—Людовика Енике). Видна въ переводчикѣ прекрасная филологическая школа, ставящая на первое мѣсто точность передачи. Что касается перевода „Эдипа“, то я не сравнивалъ его съ греческимъ оригиналомъ. По моему впечатлѣнію, это переводъ весьма точный, близкій къ оригиналу, воспроизводящій размѣръ подлинника, насколько это возможно на польскомъ языкѣ. По красотѣ языка этотъ переводъ я ставлю даже выше перевода „Фауста“. 5) Знаменитая рѣчь на юбилей Московскаго университета, начинающаго словами: *Charcovia nos mittit ad vos, Viri doctissimi, Charcoviensis Rossiae meridionalis alma Universitas litterarum gratulans Mosquensi vestrae etc.* Заслуги Московскаго университета въ прошломъ и настоящемъ—у всѣхъ на виду; въ будущемъ университетъ будетъ преуспѣвать, если поведетъ своихъ питомцевъ къ добру, истинѣ, справедливости и чести. Написана рѣчь мастерски, и сказана была, конечно, такъ, какъ умѣлъ говорить Валицкій (см. Столѣтній юбилей Имп. Москов. университета, М. 1855, стр. 29—31). Объ этихъ произведеніяхъ упоминаетъ самъ Валицкій въ свѣдѣніяхъ, данныхъ имъ собственноручно въ 1857 г. по требованію окружнаго начальства. (См. также Estreicher, Bibl. XIX в. Т. V, 10). Въ *Encyclopedya powszechna Orgelbranda*, Т. XXXVI, str. 340 указана еще Киропедія Ксенофонта, текстъ съ примѣчаніями на русскомъ языкѣ и словаремъ, изданнымъ въ Харьковѣ въ 1848 г. въ 8°. (Статья написана г. Ф. Собѣщанскимъ). Не имѣя данныхъ для того, чтобы заподозрѣть точность указанія (приве-

день годъ изданія и даже форматъ), не могу не выразить удивленія, почему Валицкій объ этомъ трудѣ не упоминаетъ въ своемъ перечнѣ 1857 г.

Кромѣ того, много трудовъ осталось въ рукописяхъ, которыя, къ сожалѣнію, погибли. Самъ Валицкій упоминаетъ о слѣдующихъ: 1) курсъ греческихъ древностей, исторія греческой литературы и энциклопедія филологіи, на латинскомъ языкѣ. О нихъ упоминаетъ Ал. Валицкій, по которому курсъ энциклопедіи филологіи написанъ былъ по-польски. Къ этому онъ прибавляетъ, что Альфонсъ Валицкій готовилъ (на польскомъ языкѣ) обширную исторію греческой литературы, въ 12 большихъ томахъ; отдѣлъ исторіи греческой философіи долженъ былъ написать Авг. Цѣшковскій, съ которымъ Валицкій велъ даже переписку. Повидимому, работа была уже начата; рукопись погибла. (См. также у Оргельбранта). Переводы (на польскомъ языкѣ) 2) Эсхила Эвмениды, 3) Эврипида Ипполитъ, 4) Антигона Софокла, по заявленію Валицкаго, въ февралѣ 1857 г. — были „въ печати“. Имѣлись рукописи переводовъ: 5) Платонова Федона, 6) и 7) рѣчей Эсхина и Демосоена *peri tou strophou*, 8) Медея Эврипида. Далѣе идутъ 9) надгробныя рѣчи на латинскомъ языкѣ: а) Сухомлинову, б) Криницкому, в) графу Головкину, д) князю Долгорукому и е) графу Валицкому (странно, почему Валицкій ничего не говоритъ о надгробномъ словѣ ф) И. Я. Кронебергу (см. Харьк. Вѣд. 1838 г., приб. къ № 43, стр. 374). 10) Оригинальная трагедія Zbigniew, въ 1857 г. тоже находившаяся „въ печати“, никогда не увидѣла свѣта, и самая рукопись погибла. Трагедія была въ 5 актахъ, героемъ ея былъ сынъ Владислава Германа. Упоминаетъ Валицкій еще 11) статью на французскомъ языкѣ *Essai sur l'Épique* и 12) на русскомъ О баснописцѣ Бабріи и вновь открытомъ сборникѣ его басенъ, читанную „въ ученомъ собраніи историко-филологическаго факультета въ 1855 году“. Обѣ эти статьи остались въ рукописи и погибли. Кромѣ того, Александръ Валицкій, который ничего не знаетъ о двухъ послѣднихъ статьяхъ, упоминаетъ еще о слѣдующихъ: 1) переводъ II части „Фауста“, 2) Король Ричардъ III Шекспира (не объ этомъ ли переводѣ слышалъ Де-Пуле?), 3) Hofman, *Majster Marcin bednarz*, 4) почти всѣ рѣчи Демосоена, 5) Плутосъ и 6) Лягушки Аристофана и, наконецъ, 7) оригинальная статья на польскомъ языкѣ, о воспитаніи дѣтей, рукопись которой Александръ Валицкій, повидимому, видѣлъ, потому что онъ даетъ и объемъ ея 30 писанныхъ листовъ. Вопросъ о литературномъ наслѣдіи Валицкаго, о причинахъ, почему большинство его рукописей не было напечатано, о томъ, куда дѣвались онѣ, — чрезвычайно интересенъ, такъ же какъ вопросъ о томъ, чѣмъ объясняется разногласіе въ показаніяхъ самого Валицкаго, Собѣщанскаго и Александра Валицкаго, но, къ сожалѣнію, рѣшеніе его въ настоящее время невозможно. Намъ остается только указать еще разъ, насколько не основательно выраженіе Де-Пуле, что „объ ученыхъ трудахъ Валицкаго не было и рѣчи“. Рѣчи-то, можетъ быть, и не было, а труды все-таки были, и количествомъ напечатаннаго и написаннаго Валицкій не уступалъ Лунину. Правда, большинство написаннаго и часть напечатаннаго относилась къ области переводовъ, но хороший переводъ, предполагающій основательное знаніе языка оригинала и безукоризненное владѣніе языкомъ перевода, составляетъ такую же ученую работу, какъ и работа надъ источниками и т. п. Уже одинъ переводъ „Фауста“ можетъ составить имя переводчику, и, дѣйствительно, имя Валицкаго въ исторіи польской переводной литературы занимаетъ видное мѣсто (Zdanowicz i Sowinski, *Rys dziejów literatury Polskiej*, Т. IV, стр. 146).

М. А. Масловъ.

Лукьяновичъ Семень Семеновичъ (1839—1860), изъ духовнаго званія, уроженецъ Черниговской губерніи, Кролевецкаго уѣзда, родился въ 1809 г.; по окончаніи въ 1835 г. курса въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ со званіемъ студента и серебряною медалью, 20 января 1836 г. отправленъ въ «чужіе края» для усовершенствованія въ наукахъ. По возвращеніи изъ-за границы 26 января 1839 г. опредѣленъ въ Харьковскій университетъ адъюнктомъ по кафедрѣ римской словесности и древностей, какъ преемникъ умершаго въ октябрѣ 1838 г. И. Я. Кронеберга, съ правомъ держать экзаменъ прямо на степень доктора, на основаніи циркулярнаго предложенія Министра Народн. Просв. отъ 16 февраля 1838 г. Поэтому 29 мая 1840 г. Лукьяновичъ обратился въ совѣтъ университета съ просьбой разрѣшить ему подвергнуться испытанію на степень доктора. 9, 17 и 27 августа и 25 сентября 1840 г. Лукьяновичу произведенъ былъ экзаменъ по греческимъ и римскимъ древностямъ, литературѣ и авторамъ, а также и по энциклопедіи филологіи; экзаменовалъ Валицкій, призналъ отвѣты Лукьяновича «весьма удовлетворительными»; по всеобщей исторіи экзаменовалъ Лунинъ, русской—Артемовскій-Гулакъ, статистикъ—Рославскій-Петровскій, эстетикъ и русской литературѣ—Якимовъ, философій—Протопоповъ. Отвѣты Лукьяновича большею частью оцѣнивались отмѣткой «очень хорошо», за исключеніемъ русской исторіи («отлично хорошо») и русской литературы и эстетики («весьма удовлетворительно»); 25 же сентября одобрена была тема докторской диссертациі—*De aedificiis veteris Romae publicis delectationis causa constructis*. 22 февраля 1841 г. факультетъ «разсуждалъ о достоинствѣ диссертациі адъюнкта Лукьяновича»; диссертация эта большинствомъ голосовъ была одобрена къ напечатанію; 19 марта произошелъ диспутъ, оппонентами назначены были Валицкій, Лунинъ и Сокальскій; защита признана была удовлетворительною на этотъ разъ всѣми членами отдѣленія. Мнѣ неизвѣстна эта работа Лукьяновича; не сохранился, повидимому, письменный отзывъ Валицкаго; какое впечатлѣніе произвелъ диспутъ на слушателей, объ этомъ говоритъ г. Пашковъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ студента» («Харьковъ» 1877 г., прил. къ № 30): «Разсказывали, что, когда г. Лукьяновичъ записалъ на латинскомъ языкѣ диссертацию свою на доктора римскихъ древностей и литературы (это ошибка; см. ниже), то Валицкій, въ качествѣ ловкаго оппонента, сбиль его въ пухъ и прахъ и уничтожилъ. Лукьяновичъ просилъ пощады и сквозь слезы повторялъ только: *concedo tibi, concedo tibi* (уступаю тебѣ)».

Повторяю, я не знаю диссертациі Лукьяновича и не могу судить, насколько соотвѣтствуетъ истинѣ это описаніе, но думаю, что, за исключеніемъ подробностей (просьбы о пощадѣ и слезъ; выраженіе «*concedo*» является

обычной формулой согласія съ мнѣніемъ оппонента на диспутахъ), въ общемъ оно правильно: не Лукьяновичу было состязаться съ такими силами, какъ Валицкій и Лунинъ; страннымъ кажется только, при такихъ условіяхъ, *единогласное* признаніе защиты удовлетворительной, послѣ того какъ сама диссертация прошла только большинствомъ голосовъ. 21 марта въ совѣтъ заслушано предложеніе I отдѣленія объ утвержденіи Лукьяновича въ степени доктора и произведена баллотировка въ званіе экстраординарнаго профессора; избирательныхъ получилъ 14, неизбирательныхъ 4. Дѣло съ утвержденіемъ почему-то замедлилось, и только 9 января 1842 г. Лукьяновичъ былъ утвержденъ въ степени доктора общей словесности и званіи экстраординарнаго профессора. Въ 1842, 1843, 1844, 1845, 1846 и 1847 г.г. былъ членомъ комитета для испытанія молодыхъ людей, поступающихъ въ университетъ, по латинскому языку. Съ мая по августъ 1842 года завѣдывалъ минцъ-кабинетомъ, былъ членомъ комитета при испытаніи лицъ, ищущихъ званія домашнихъ учителей и учительницъ въ 1845—1858 г. 9 декабря 1843 г. произведена была въ совѣтъ баллотировка Лукьяновича въ ординарные профессора; въ первый разъ избирательныхъ получилъ 13, неизбирательныхъ 10; такъ какъ членовъ совѣта присутствовало 22, то произведена была перебаллотировка, въ результатѣ которой избирательныхъ шаровъ онъ получилъ 10, неизбирательныхъ 12. 10 мая 1844 г. Лукьяновичъ вновь подвергался перебаллотировкѣ, но опять избранъ не былъ (12 изб. и 14 неизб.), и только 18 декабря того же года былъ выбаллотированъ 22 шарами противъ 5; утвержденъ въ этомъ званіи 18 января 1845 г. Исправлялъ должность декана съ 13 октября по 14 ноября 1858 года и съ 11 января по 22 февраля 1860 года.

Въ 1844 г. Лукьяновичу совѣтомъ поручено было составленіе рѣчи къ университетскому акту (30 августа); Лукьяновичъ представилъ сочиненіе подъ заглавіемъ «Comparandarum linguarum prolusio», которое принято было совѣтомъ (большинствомъ 15 голосовъ противъ 9) и напечатано въ отчетѣ за 1844 г. Сочиненіе это достойно вниманія. Вступленіе составляетъ подражаніе вступленію къ рѣчи Цицерона Pro lege Manilia (Quamquam mihi semper conspectus vester multo jucundissimus=Quamquam mihi semper hic dies laetissimus, frequens conspectus virorum tot illustrium multo jucundissimus etc.); предметъ рѣчи—изложеніе результатовъ изслѣдованій Боппа по сравнительной грамматикѣ; изложены только отрывочные факты; смысла и духа новыхъ открытій и путей Лукьяновичъ, разумѣется, не понялъ; не понялъ до такой степени, что въ концѣ приложилъ, по силѣ разумѣнія, нѣсколько своихъ этимологическихъ домысловъ: *князь*, hic illos struit, i. e. hic rem communem, rem publicam ordinat (p. 37); *правда*—«та правъ»; *островъ*—«онъ остръ»; *Петровъ*—«онъ Петра»; потомокъ—«къ (кой)

потомъ» и т. п. (р. 36). Въ 1842 г. издано было Лукьяновичемъ «Краткое поясненіе чертежей публичныхъ увеселительныхъ зданій въ древнемъ Римѣ, извлеченное изъ разсужденія о томъ же предметѣ, написаннаго на латинскомъ языкѣ для полученія докторской степени». Здѣсь на 15 страницахъ заключается очень краткое описаніе цирковъ, театровъ, амфитеатровъ, навмахій, бань и термъ. На одномъ листѣ приложены отлично гравированные планы (а нѣкоторыхъ и разрѣзы) упомянутыхъ зданій. Работа даже и для того времени значенія не имѣетъ.

25 октября 1860 г. Лукьяновичъ подалъ въ факультетъ рапортъ, въ которомъ заявлялъ, что «около 30 лѣтъ съ любовью занимаясь классической филологіей, по стеченію различныхъ обстоятельствъ, такъ мало напечаталъ своихъ трудовъ, что въ сравненіи съ тѣмъ, что обдумано и написано имъ, его печатныя сочиненія составляютъ самую малую частицу»; поэтому, чтобы «хоть сколько-нибудь вознаградить потерянное время», онъ проситъ ходатайствовать о разрѣшеніи ему командировки на казенный счетъ въ Петербургъ на зимнее вакаціонное время и 28 дней съ цѣлью «найти въ столичныхъ библіотекахъ необходимыя ему сочиненія», а также «для предварительнаго совѣщанія съ тамошними учеными и для совмѣстнаго съ ними обсужденія различныхъ научныхъ вопросовъ». Факультетъ рѣшилъ представить это дѣло на усмотрѣніе совѣта, въ засѣданіи котораго деканъ историко-филологическаго факультета Зерининъ представилъ подробное мнѣніе, въ которомъ высказывался противъ командировки Лукьяновича на казенный счетъ, но соглашался на ходатайствованіе денежнаго вспоможенія на эту поѣздку. Мнѣніе это, написанное очень рѣзко, привлекло, однако, только 5 членовъ совѣта (П. В. Тихоновичъ, Добротворскій, Н. А. Лавровскій, Масловскій и Станиславскій); Сокальскій, Каченовскій и Пахманъ полагали отложить сужденіе до баллотировки его на 5-ти-лѣтіе, и 14 голосовъ были за командировку; такимъ образомъ она прошла въ совѣтъ и была разрѣшена министромъ, который, кромѣ того, еще продолжилъ командировку и приказалъ выдать пособие изъ университетскихъ средствъ. Что руководило въ этомъ дѣлѣ Лукьяновичемъ,—желаніе ли упоминаніемъ о своемъ добромъ намѣреніи подѣйствовать на совѣтъ въ виду предстоявшей баллотировки, или онъ рассчитывалъ добиться чего-нибудь въ Петербургѣ помимо совѣта, или просто, подъ видомъ командировки, хотѣлъ получить нѣкоторое пособие—неизвѣстно. На совѣтъ намѣреніе Лукьяновича приступить къ печатанію «многочисленныхъ» трудовъ не произвело никакого впечатлѣнія: 22 ноября 1860 г. Лукьяновичъ, при баллотировкѣ вопроса объ оставленіи на 5-ти-лѣтіе, получилъ 10 избирательныхъ шаровъ и 16 неизбирательныхъ. Дальнѣйшая его судьба и годъ смерти мнѣ неизвѣстенъ.

Въ теченіе 20-лѣтней службы Лукьяновичъ объяснялъ студентамъ изъ поэтовъ Горация и Плавта, изъ историковъ Саллюстія, Цицерона и Тацита, при чемъ не означалъ точно сочиненій, а говорилъ «избранныя мѣста, комедіи» и пр. Читалъ «политическія» древности римекія, исторію римской литературы и одинъ разъ (1846-1847)—энциклопедію филологіи. Вотъ какъ самъ Лукьяновичъ писалъ о своемъ преподаваніи въ 1855-1856 г. (см. «Отчетъ о духѣ и направленіи преподаванія въ Харьковскомъ университетѣ въ 1855-1856 учебномъ году»): «Смотря на задачу исторіи литературы, какъ на сознаніе соединенія мысли съ формою, преподаватель изслѣдовалъ, какимъ образомъ различные роды литературы въ ихъ совокупности и связи проявились и развивались въ Римѣ. ....Онъ показывалъ, на чемъ остановился грекъ, какъ усвоилъ себѣ эти роды римлянинъ.... И какъ преподаватель не нашелъ въ иностранныхъ литературахъ ни одного руководства, которое бы удовлетворило вполне избранному имъ взгляду, то читалъ по собственному конспекту, одобренному начальствомъ, придерживаясь, *всетаки*, извѣстныхъ учебниковъ Бернгарда и Бэра и заимствуя *новѣйшія* изслѣдованія и открытія изъ Pauly Real-Encyclopädie» и пр. Къ сожалѣнію, дѣйствительность не соответствовала, повидимому, замысламъ, — если таковые были не только на бумагѣ. Въ молодости Лукьяновичъ, можетъ быть, и обладалъ кое-какими знаніями; но, не возобновляя ихъ, потомъ онъ, разумѣется, все позабылъ, занялся содержаніемъ пансіонеровъ, опустился, и въ глазахъ современниковъ былъ тѣмъ «бездарнымъ и жалкимъ» профессоромъ, «оригинальнымъ (?) и чудакватымъ», котораго знали Де-Пуле (Вѣст. Евр. 1874 г., № 1, стр. 92) и Пашковъ («Харьковъ» 1877 г., приб. къ № 30).

Неблагопріятному впечатлѣнію способствовало также то, что онъ занялъ катедру И. Я. Кронеберга и дѣйствовалъ рядомъ съ умницей, талантливымъ и популярнымъ Валицкимъ, которому, по словамъ Пашкова, силился подражать (это подтверждаетъ и курсъ энциклопедіи филологіи, прочитанный Лукьяновичемъ). Въ разное время Лукьяновичъ неоднократно ссылается на занятія «учеными трудами», а въ 1858 г. даетъ подробный ихъ списокъ. Здѣсь фигурируютъ и рецензіи, и курсы университетскіе, и статьи, «посланныя для напечатанія» въ Журн. Мин. Нар. Просв. (но не напечатанныя) и пр.; но изъ всего этого вороха извѣстны только 3 небольшія статьи, изъ которыхъ двѣ, по крайней мѣрѣ, не имѣютъ никакого научнаго и литературнаго значенія.

М. А. Масловъ.